

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Актуальные вопросы современных
социально-гуманитарных исследований

Сборник научных статей участников XXVI Республиканского конкурса
научных работ студентов

Минск
2020

УДК 101.1:316(082)
А 437

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
12.05.2020 года, протокол № 12

Редакционная коллегия:

Г. А. Фофанова (отв. ред.), Т. И. Врублевская-Токер, В. А. Дворецкая,
А. В. Кириллова, Е. И. Климушко, И. Н. Колядко,
Е. Н. Новицкий, С. И. Хонский.

Рецензенты:

Доброродный, Д. Г., кандидат философских наук, доцент, заведующий
кафедрой философии и методологии университетского образования
Республиканского института высшей школы;
Конькова, О. В., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и клинической психологии факультета философии и социальных
наук БГУ.

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных
исследований : сборник научных статей участников XXVI
Республиканского конкурса научных работ студентов / БГУ, Фак.
философии и социальных наук ; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.].
– Минск : БГУ, 2020. – 117 с. : табл. – Библиогр. в тексте.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета
философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ второй и
третьей категорий XXVI Республиканского конкурса научных работ
студентов 2019 года.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Факультет философии и социальных наук ежегодно представлен на Республиканском конкурсе научных работ студентов учреждений высшего образования по социально-гуманитарным наукам. Наши студенты и магистранты под научным руководством опытных преподавателей представляют свои научно-исследовательские проекты в тематические секции конкурса по психологии, педагогической и коррекционной психологии; философии и социологии; педагогике, теории и методике обучения и воспитания; защите от чрезвычайных ситуаций и обеспечении безопасности жизнедеятельности.

В XXVI-м Республиканском конкурсе научных работ, который проходил в период с 1 октября 2019 г. по 10 февраля 2020 г., от факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета приняли участие свыше 50 студентов и магистрантов. Работы соответствовали высоким академическим требованиям и были выполнены на основании исследований, осуществляемых в рамках подготовки курсовых и дипломных проектов, а также магистерских диссертаций.

В результате конкурсного отбора лучших проектов 4 работы были удостоены дипломом 1 категории, 17 работ – дипломом 2 категории, 16 работ – дипломом 3 категории. Все представленные на конкурс работы получили высокую оценку профессионального жюри за высокий уровень научно-методологического осмысления и эмпирического исследования актуальных проблем современного социально-гуманитарного знания.

Представленный Сборник научных статей является апробацией научно и социально значимых результатов, которые были получены авторами в результате кропотливых теоретических и эмпирических исследований с использованием современных методологических стратегий.

Опирающиеся на принципы системности и междисциплинарности научные статьи окажутся востребованными при исследовании мировоззренческих аспектов трансформации ключевых сфер современных обществ в условиях нестабильности и кризиса.

Редакционная коллегия

УСТАНОВКИ К СЕКСУ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ЛЮБВИ

С. М. Александрович

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
alesvet@tut.by;*

*Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна
старший преподаватель кафедры психологии*

Значимым механизмом неудовлетворенности супружескими отношениями выступает дисфункциональность формирования сексуальных установок, представлений о допустимых и недопустимых нормах сексуального поведения для себя и партнера, а также отношения к роли сексуальной сферы в решении личностных и межличностных проблем. Неудовлетворение потребности в любви в супружестве может препятствовать психосоциальной адаптации и нормальному развитию личности, позитивному самочувствию и гармоничным взаимоотношениям с другими. Поэтому актуальным является изучение сексуального самовыражения личности в контексте характерных ей стилей любви.

Объект исследования – установки к сексу.

Цель исследования – выявить различия установок к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви.

В результате проведенного исследования было установлено, что существуют различия в установках к сексу у мужчин и женщин в зависимости от пола и стилей любви.

Практическое значение итогов работы: результаты могут быть использованы практическими психологами в психологическом консультировании для повышения эффективности оказываемой помощи клиентам, страдающим от сексуальных дисгармоний и эмоционально-личностных расстройств, улучшения качества их жизни, а также в психокоррекционной и просветительской работе.

Ключевые слова: сексуальные отношения; установки к сексу; стили любви; сексуальность; супружеские отношения; удовлетворенность.

В последние десятилетия в Беларуси отмечаются значительные изменения в ценностных ориентациях людей, что оказывает влияние и на брачно-семейные отношения. Вследствие таких изменений наблюдаются неустойчивость и сокращение числа браков, рост количества разводов, а также увеличение количества заболеваний, передающихся половым путем, и сексуальных девиаций. Все это свидетельствует о некоторой неудовлетворенности отношениями в паре, возникновении трудностей в преодолении препятствий, возникающих на пути к семейной гармонии. Поэтому важным является изучение сексуального самовыражения личности в контексте характерных ей стилей любви.

Как известно, индивидуальная культура человека состоит из комплекса знаний, морально-этических норм и социальных ценностей, определяющих систему установок человека, а значит и его поведение, в том числе любовное и сексуальное. В существующих на сегодняшний день подходах как в медицинской, так и в психологической науке упускаются из виду исследования о связи сексуального благополучия супружеской пары не только с физическим аспектом отношений, но и с эмоциональным способом выражения любви.

Сексуальное желание как определенный тип переживания не может не зависеть от характерного для данного человека типа любовных ориентаций, любовные отношения партнеров непосредственно связаны с сексуальным влечением, а без любви, безусловно, сексуальная мотивация является неполной. Вместе с тем неудовлетворение потребности в любви в супружестве может препятствовать психосоциальной адаптации и нормальному развитию личности, позитивному самочувствию и гармоничным взаимоотношениям с другими.

Исследования установок к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви отличаются недостаточной разработанностью. С целью выявления различий установок к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 133 респондента (53 мужчины и 80 женщин), состоящих в браке (гражданском или официальном) не менее 3 лет. Возраст респондентов составил от 22 до 53 лет. Согласно возрастной периодизации развития сексуальности человека Г. С. Васильченко [3] были отобраны респонденты переходной и зрелой стадий сексуальности. В качестве диагностического инструментария использовались следующие методики: опросник установок к сексу Г. Айзенка [1] и методика «Установки на любовь и секс» («Цвета любви») К. Хендрик и С. Хендрик в адаптации О. А. Екимчик [2]. Полученные данные подверглись статистической обработке с помощью пакета статистических программ SPSS 23.0. Процедура статистической обработки данных включала в себя корреляционный анализ Спирмена. Значимые различия определялись с помощью критерия Манна-Уитни и описательных статистик.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. При определении установок к сексу у мужчин и женщин были выявлены следующие особенности. Сексуальная невротичность ярче выражена у мужчин и менее присуща женщинам. Мужчинам сложнее контролировать или подавлять свои импульсы, они чаще озабочены

проблемами, связанными с сексом. Установка на обезличенный секс свойственна, прежде всего, мужчинам, в то время как женщины демонстрируют ее значительно реже. Сексуальная возбудимость явно выражена у мужчин и менее характерна женщинам. Ориентировка на физический секс и активное стремление к реальному половому контакту более свойственна мужчинам, в то время как женщины в партнере отдают предпочтение по большей части духовным качествам и менее ориентированы на физический секс. Установка на агрессивный секс, как ни парадоксально, чаще свойственна группе женщин, в то время как группа мужчин обнаруживает ее намного реже. Напряженность сексуального либидо значимо выше у мужчин, чем у женщин. Также значительно отличаются в группах мужчин и женщин оценки маскулинности и фемининности, причем оценки мужчин значимо выше, чем женщин, что означает, что и те, и другие стремятся соответствовать гендерным ролям в соответствии со своим полом.

Доминирующую роль у мужчин занимают установки на реализованность и удовлетворенность своей сексуальной жизнью и положительное отношение к порнографии, но им свойственны слабовыраженные установки на сексуальную застенчивость и стремление к агрессивному сексу. Установки на дозволенность, сексуальную невротичность, обезличенный секс и целомудрие у мужчин могут быть либо интенсивно выражены, либо практически отсутствовать. Женщины положительно оценивают свою сексуальную жизнь и демонстрируют высокую степень сексуальной удовлетворенности. При этом все виды установок на секс у женщин либо интенсивно выражены, либо практически отсутствуют.

2. Выявлены половые различия в стилях любви у мужчин и женщин. Мужчины имеют более высокие значения по шкалам эротической любви и самоотверженной любви. Это говорит о том, что они более склонны к физическому обладанию, сексуальному удовлетворению и эстетическому наслаждению партнером, а также они способны на страстные, глубокие чувства. У мужчин ярче выражена центрация на партнере и ее потребностях, самоограничение в ее пользу, они более способны заботиться о партнерше, будучи терпеливыми и постоянными. Установки на стабильную любовь и прагматическую любовь у мужчин могут быть либо интенсивно выражены, либо практически отсутствовать.

Женщинам в целом присущи установки на эротическую любовь и сексуальные отношения, а также самоотверженную любовь и несколько в

меньшей степени – стабильную любовь. При этом стремление к взаимодобству отношений и сексуальной близости имеют как высокую, так и низкую степень выраженности у них, а самоотверженная и альтруистическая любовь и любовь-игра занимают важное место в жизни женщин.

3. Установлены статистически значимые связи между установками к сексу мужчин и женщин и их стилями любви. И для мужчин, и для женщин с эротическим стилем любви важен уровень реализованности и удовлетворенности своей сексуальной жизнью. При этом такие мужчины склонны к более спокойным, уравновешенным и не вызывающим напряжения сексуальным отношениям. Кроме того, у них отсутствует сексуальная застенчивость. Женщины с установкой на эротическую любовь склонны ориентироваться на физический секс и активное стремление к реальному половому контакту, они обладают высокой сексуальной чувствительностью и не испытывают отвращения к сексуальным проявлениям.

У мужчин со стилем любви «людус» отмечается склонность к обезличенному сексу, отсутствие отвращения к сексуальным проявлениям, сексуальная невротичность, а также наличие агрессивных импульсов и стремления подчинить, подавить партнера. Женщины, которым присущ стиль любовь-игра, характеризуются отсутствием реализованности и общей сексуальной удовлетворенности отношениями, склонностью к сексуальной пассивности и воздержанию от проявлений сексуальной страсти.

Женщины со стилем любви «сторге» демонстрируют реализованность своей сексуальной жизни, в то время как мужчины с прагматичным стилем любви характеризуются склонностью к обезличенному сексу, относясь к партнерше как к сексуальному объекту.

Любовь-одержимость у мужчин соотносится со стремлением к физическому сексу, а у женщин – к агрессивному. Кроме того, женщины со стилем любви «мания» демонстрируют высокую сексуальную чувствительность и сильное сексуальное влечение.

Для мужчин и женщин с самоотверженным стилем любви важен уровень реализованности своей сексуальной жизни, а для женщин еще и уровень сексуальной удовлетворенности.

Библиографические ссылки:

1. Айзенк, Г. Как измерить личность. М. : Когито-Центр, 2000.

2. *Екимчик, О. А.* Любовь в отношениях мужчины и женщины: методы психологической диагностики. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.
3. *Агарков, С. Т., Кащенко, Е. А.* Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности. М. : Издательские решения, 2015.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Д. Д. Витко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

vitkodasha1505@gmail.com;

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

В данной статье рассматриваются гендерные особенности конфликтного взаимодействия. С использованием методики «Конфликт на работе» нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого было выявить, какие имеются представления у студентов о гендерных особенностях конфликтного взаимодействия мужчины и женщины в сфере профессиональных отношений. Итоги исследования показали, что большинство респондентов отмечали в конфликте на работе наличие равного социального статуса, высшее образование, преобладание стиля конкуренции в процессе конфликтного взаимодействия.

Ключевые слова: конфликт; конфликтное взаимодействие; гендер; гендерные особенности; период взрослости.

Немаловажным является умение выстраивать конструктивные отношения в профессиональной сфере, ведь навык, предполагающий использование наиболее эффективной стратегии поведения в конфликтной ситуации и разрешение конфликтных противоречий в трудовом коллективе, является важным показателем возможности сохранить и оказать влияние на правильное функционирование организации. К тому же, следует помнить, что многие коллективы в организациях различаются по гендерному составу, а представители мужского и женского пола склонны по-разному проявлять себя в конфликтных ситуациях.

Нами был проведен обзор исследований, позволивший проследить четкую тенденцию в поведении мужчин и женщин на предприятии в процессе конфликтного взаимодействия. Мы выяснили, что для мужчин характерна агрессия, в конфликтах они чаще используют стиль соперничества, а также их поведение направлено на доминирование и демонстрацию самоуверенности и настойчивости. Женщинам же наоборот свойственно преимущественно дружелюбие; в конфликтах женщинами чаще используется стиль сотрудничества и компромисса, а также они отличаются большей терпеливостью и сдержанностью [1; 3].

Для дополнительного изучения данного вопроса мы провели собственное эмпирическое исследование с использованием методики «Конфликт на работе» (Л. Н. Ожигова) [2, с. 286–287]. Это рисуночная проективная методика. В качестве стимульного материала использовалось схематичное изображение мужчины и женщины (рисунок 1). Респондентам предлагалось описать конфликт, который между ними произошел.

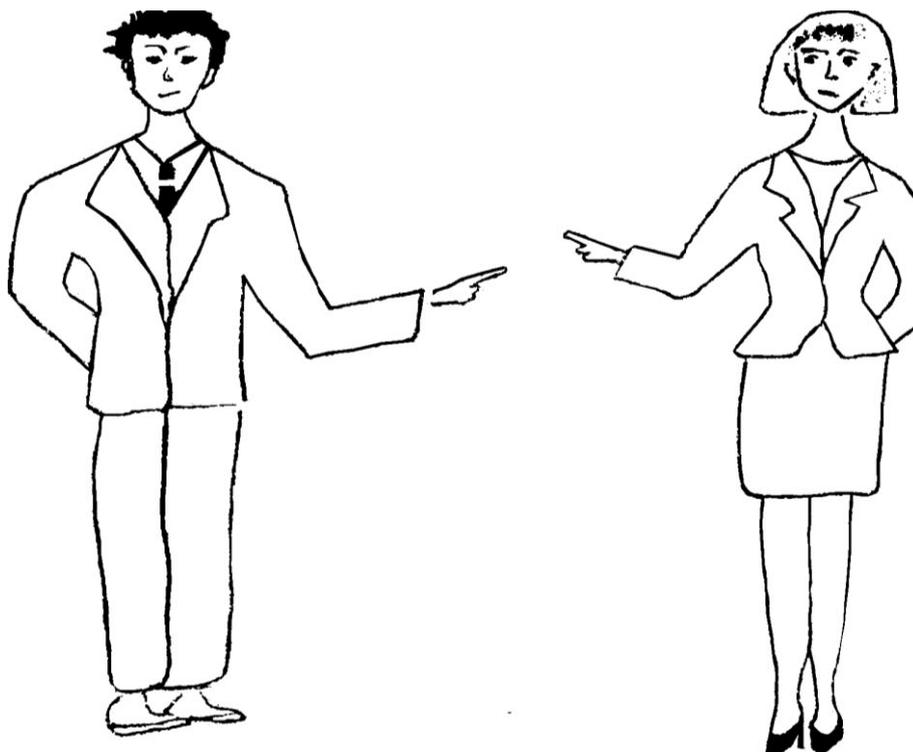

Рисунок. Стимульный материал к методике

Выборку составили 40 респондентов женского пола и 5 – мужского. Всего было опрошено 45 студентов.

Для обработки результатов был проведен контент-анализ полученных описаний конфликтов с последующим частотным анализом встречаемости в описаниях выделенных категорий.

Были выделены следующие категории анализа описаний конфликта между мужчиной и женщиной:

- социальный статус;
- внешность;
- профессионализм;
- образование;
- личные качества;

- семейное положение;
- отношения между мужчиной и женщиной;
- причина конфликта;
- способ разрешения конфликта.

Для статистической обработки данных использовались также таблицы сопряженности и критерий χ^2 для установления различий в распределении признака.

Описывая конфликт между мужчиной и женщиной на рабочем месте, респонденты чаще указывают на их равный статус (73,3 %). Реже всего описывали конфликты, в которых мужчина – подчиненный (8,9 %), несколько чаще приводили примеры конфликта мужчины с женщиной-подчиненной (17,8 %). При описании внешности мужчин чаще всего встречалась позитивная оценка внешнего вида (51,1 %), гораздо реже – негативная (6,7 %), в отдельном случае внешность была описана нейтрально (2,2 %). В остальных случаях внешность мужчин не описывалась вовсе (40 %). Что касается описания женского образа в конфликте, то чаще всего приписывались положительные характеристики (62,2 %), в виде исключения – негативные характеристики (2,2 %), меньшая часть респондентов предпочла никак не описывать внешность женщины (35,6 %). Наличие высшего образования при описании мужчин встречалось значительно чаще (68,9 %), чем среднего (6,7 %). Реже испытуемые не давали никаких сведений об образовании (24,4 %). При описании женщин проявилась подобная тенденция: наличие высшего образования отметили 32 респондента (71,1 %), не упомянули наличие образования все оставшиеся опрошенные (28,9 %). Также при описании конфликта респонденты иногда приписывали персонажам такую характеристику, как «профессионализм». По итогам сравнения мужчинам данное качество приписал 21 респондент (46,7 %), не упомянули наличие данного качества 23 респондента (51,1 %). В случае с женщинами «профессионализм» был отмечен 19 раз (42,2 %) и не был упомянут 25 раз (55,6 %).

Было обнаружено четкое различие между описаниями мужчины и женщины в рабочем конфликте, которое прослеживается при рассмотрении такого критерия, как «личные качества». При описании мужчин встречались разнообразные ответы: положительно охарактеризованы – 37,8 %, отрицательно – 26,7 %, нейтрально – 26,7 %. При описании личных качеств женщины положительные характеристики значительно преобладают (60 %), реже встречались нейтральные описания

(20 %), и крайне редко женщине были приписаны сугубо негативные качества (8,9 %). При упоминании семейного положения чаще всего встречалась позиция, в которой оба персонажа являются свободными (35,6 %). Вторым по частоте упоминания является позиция, в которой женщина замужем, а мужчина свободен (22,2 %). Совсем редко мужчина отмечался женатым, в то время как его оппонентка считалась свободной (6,7 %).

Для установления различий в распределении признака были сформированы таблицы сопряженности с применением критерия χ^2 . Мы сравнили описания мужчин и женщин в конфликте, его причин и способов разрешения в зависимости от того, каково соотношение статусов мужчины и женщины в конфликте: равный статус, мужчина – руководитель, а женщина – подчиненная и наоборот. Статистически значимых различий в распределении признаков, описывающих мужчину и женщину в конфликте, а также способ его разрешения, обнаружено не было.

Существуют статистически значимые различия в распределении признака «отношения между мужчиной и женщиной» в зависимости от того, каково соотношение статусов мужчины и женщины в конфликте ($\chi^2=27,974$, $p=0,002$). Если мужчина и женщина в конфликте равны по статусу, то чаще их отношения характеризуются как «конкуренция», если подчиненный – мужчина, то отношения трактуются как «нападение одной из сторон». В случае, если подчиненный – женщина, отношения могут носить разный характер.

Заключительным этапом в описании конфликта в методике было уточнение того, как разрешился конфликт. Таким образом, равное количественное соотношение приходится на два варианта: урегулирование конфликта третьим лицом (42,2 %) либо отсутствие конструктивного решения проблемы, т.е. конфликт не был завершен (42,2 %). Гораздо реже представлялись ситуации, в которых конфликт был урегулирован женщиной (6,7 %) либо мужчиной (8,9 %).

При сопоставлении ответов юношей и девушек статистически значимых различий не было обнаружено. Представляется целесообразным дальнейшее расширение выборки за счет привлечения к опросу респондентов мужского пола.

Таким образом, представления студентов о гендерных особенностях конфликтного взаимодействия на работе между мужчиной и женщиной в целом имеют схожий характер. Как было выявлено, большинство респондентов отмечали в конфликте наличие равного социального статуса

участников, высшее образование, преобладание стиля конкуренции в процессе конфликтного взаимодействия мужчины и женщины. Незначительно отличались представления о внешности персонажей и их семейном положении. Прослеживалось также выделение положительных личностных качеств преимущественно у женщины-оппонента, нежели у конфликтующего мужчины. Представления о завершении конфликта между мужчиной и женщиной чаще всего включало такой вариант исхода, как урегулирование конфликта третьим лицом, либо констатировалось отсутствие завершения конфликта.

Библиографические ссылки

1. *Белоусова, А. Б.* Гендерные особенности участников вертикальных межличностных конфликтов в современной организации / А. Б. Белоусова, А. Б. Хавронина // науч. жур. вестник Казанского технологического университета. – 2013. – С. 157–162.
2. *Клецина, И. С.* Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / Под ред. И. С. Клециной. – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.
3. *Цыбулевская, О. А.* Гендерные различия поведения работников в конфликтных ситуациях / О. А. Цыбулевская, Е. В. Сорока // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2012/11/1897>. – Дата доступа : 06.03.2019.

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И СОМАТИЗИРОВАННЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

А. И. Григорьева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

keyt.keller@mail.ru

Научный руководитель – Конькова Олеся Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии

Проблема старения нации является очень актуальной. На 2018 год процент соотношения пожилых граждан с общим числом населения составляет 21,5 %. Каждый пятый житель является пожилым. С учётом этих статистических данных возникает вопрос о том, как помочь пожилым людям адаптироваться в современном мире, сохранить физическое и психологическое здоровье. Цель исследования состояла в изучении субъективного ощущения одиночества и соматизированных психических нарушений у пожилых людей, включенных и не включенных в рекреационную деятельность. В результате исследования было выявлено, что люди пожилого возраста чувствуют себя менее одинокими, более включенными в социальные контакты, а также имеют более низкую выраженность соматизированных психических нарушений при условии наличия у них досуга, а также возможностей для участия в рекреационной деятельности.

Ключевые слова: рекреационная деятельность; субъективное ощущение одиночества; соматизированные психические нарушения; пожилой возраст.

Пожилой возраст является важным и непростым периодом в жизни человека. Достигая его, люди неизбежно сталкиваются с рядом вопросов: изменения в физическом здоровье, в эмоциональной и интеллектуальной сфере, сложности, связанные с выходом на пенсию, обострение чувства одиночества [1], изменение социальных контактов, менее активная социальная позиция, изменение социальных ролей, физическое увядание. Все это неизбежно связано с возникновением эмоциональных переживаний, которые могут провоцировать разного рода соматические симптомы.

Психосоматика – направление в медицине, которое изучает взаимосвязь и влияние психических факторов и физических заболеваний [5]. В наше время доказано взаимовлияние эмоций и состояния нашего организма.

Наше предположение заключается в том, что организация досуговой или рекреационной деятельности для пожилых людей позволит

поддерживать их стабильное эмоциональное состояние и, таким образом, избежать возникновения физических недугов.

Исходя из уровня духовно-нравственного развития, можно выделять различные виды досуга – от физического отдыха до созерцания природы с целью эстетического удовлетворения. Пожилые люди имеют особенности в психофизической, эмоциональной и соматической сферах, что объясняет наличие определённых требований и условий при выборе вида досуга. Главной же задачей организации рекреационной деятельности является возвращение пожилых людей в повседневную жизнь социума, для того чтобы поддерживать социальные контакты с окружающими людьми для ликвидации чувства одиночества [2; 3].

Изучив литературу по вопросам процесса старения, мы можем сказать о том, что главными факторами для поддержания положительных тенденций в процессе старения выступают следующие: забота со стороны родственников; активный образ жизни пожилых людей; сохранение социальных контактов с окружающими; наличие различных увлечений и хобби. При пассивном образе жизни и изоляции у пожилых людей возможно возникновение таких психических расстройств, как депрессия, ипохондрия и старческая астения, которые приводят к серьёзному физическому и эмоциональному истощению.

В исследовании проблемы соматизированных психических нарушений у пожилых людей в связи с субъективным ощущением одиночества приняли участие 30 человек. В выборочную совокупность вошли пенсионеры, выступающие с танцевальными номерами на конкурсе, и пенсионеры, обращающиеся за помощью в специальные службы в возрасте от 65 до 75 лет с разным физическим самочувствием и наличием родственников. Перед началом исследования 30 человек были разделены на 2 группы по 15 человек.

В качестве психодиагностических методик были выбраны клинические опросники для раннего выявления соматизированных психических нарушений (С. Г. Сукиасян, А. М. Минасян) и методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества (Д. Рассела и М. Фергюсона) [4]. Статистический анализ полученных данных проводился при помощи программы STATISTICA 6.0.

Результаты количественно-качественного анализа говорят о том, что пожилые люди, не включенные в рекреационную деятельность, в большей степени склонны к возникновению таких соматизированных психических нарушений (СПН), как астения, депрессия и ипохондрия, в отличие от

пожилых людей, занимающихся активной досуговой деятельностью. При интерпретации результатов клинического опросника раннего выявления СПН было установлено, что людям, имеющим хобби, занимающимся в танцевальных кружках и активно поддерживающим социальные связи, свойственно максимальное количество баллов – 6. Для установления каждого из СПН требуется 7 баллов и выше, поэтому у данной группы их обнаружено не было. Но при этом следует отметить, что у 13 % наблюдается тенденция к развитию астении и у 7 % – тенденция к развитию ипохондрии, что свидетельствует об индивидуальном восприятии окружающего мира и о значимости уровня субъективного ощущения одиночества. Данная группа характеризуется яркими эмоциями и мимикой, жизнерадостностью и улыбчивостью, хорошей физической подготовкой, развитой когнитивной сферой, которая проявляется в творческих способностях, здоровой работе психических процессов и высоком уровне коммуникабельности.

У пожилых людей, живущих пассивной жизнью, изолированных от социума, наблюдаются следующие особенности: у 27 % – наличие астении, у 13 % – депрессии и у 20 % – ипохондрии, что составляет 60 % от всех испытуемых из группы пожилых людей, не включённых в рекреационную деятельность. Данной категории людей свойственно видеть мир через призму недовольств и бессмысленности. Также они в большей степени подвержены таким симптомам, как повышенная тревожность, нарушение сна, слабость и раздражительность.

Исходя из полученного значения p -уровня значимости, можно сделать вывод, что существуют статистически значимые различия в проявлении астении, депрессии и ипохондрии у пожилых людей, включённых и не включённых в рекреационную деятельность. Значения ранговых сумм двух групп свидетельствуют о том, что у респондентов, не занимающихся досуговой деятельностью (ранговая сумма равняется 305 для астении, 319 – для депрессии и 345 – для ипохондрии), соматизированные психические нарушения более выражены, по сравнению с респондентами, которые ведут активный образ жизни (ранговая сумма равняется 160 для астении, 146 – для депрессии и 120 – для ипохондрии) при $p=0,01$, $p=0,003$ и $p=0,00005$ соответственно. Полученные данные подтверждают предположение о различиях в соматизированных психических нарушениях у людей пожилого возраста в зависимости от их включённости в рекреационную деятельность.

Следующим этапом исследования являлось определение уровня субъективного ощущения одиночества у пожилых людей. Результаты количественно-качественного анализа говорят о том, что 36 % испытуемых свойственен средний уровень одиночества, что характеризует человека как адаптированного в социуме, но в тоже время покинутого, иногда изолированного; ему не хватает общения и людей вокруг. В данном случае наблюдается тенденция к увеличению субъективного ощущения одиночества. Также установлено, что низкий уровень одиночества характерен для 54 % испытуемых. Данные люди являются спокойными, в меру общительными и имеющими здоровую привязанность к другим людям, которая проявляется в тёплых и крепких связях с другими людьми; при этом данная категория людей представляет собой полноценных личностей. Высокий уровень субъективного ощущения одиночества показали 10 % испытуемых. Они склонны испытывать острую необходимость в других людях и при этом проявлять признаки апатии, разочарования в себе и во всех окружающих [3].

Исходя из полученного значения р-уровня значимости, можно сделать вывод о наличии статистически значимых различий в субъективном ощущении одиночества у пожилых людей в зависимости от включенности в рекреационную деятельность. Так, респонденты, которые принимают участие в рекреационной деятельности, ощущают себя менее одинокими (ранговая сумма равна 116) по сравнению с теми, кто в этой деятельности не участвует (ранговая сумма равна 349) при $p=0,00002$. Это обуславливается тем, что пожилые люди, не имеющие организованного досуга, ведут пассивный и изолированный образ жизни.

Таким образом, в процессе старения люди сталкиваются с рядом сложностей, которые могут влиять как на их соматическое, так и на психическое здоровье. Для профилактики возникновения данных проблем рекомендовано проводить просветительские беседы с целью ознакомления с возможностями для занятий любимым делом и общения с другими людьми. Необходимо организовывать кружки и клубы по интересам в учреждениях социального обслуживания населения в каждом районе города, где пожилые люди могли бы почувствовать свою причастность к социальным процессам.

Библиографические ссылки

1. *Абрамова, Г. С.* Возрастная психология: учеб. пособие для студентов вузов. – 4-е изд. – М. : Академический Проект, 2003. – 670 с.

2. *Ананьев, Б. Г.* Избранные психологические труды: 2 т. / Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1980.
3. *Друзь, В. Ф., Будза В. Г.* Клинические и социальные аспекты одиночества психически больных позднего возраста // Психология старости и старения: Хрестоматия –М. : Академия, 2003. – С. 303–307.
4. *Райгородский, Д. Я.* Практическая психодиагностика – Издательский дом «БАХРАХ-М», Самара, 1998.
5. *Фролова, Ю. Г.* Психосоматика и психология здоровья: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Ю. Г. Фролова. – Мн. : ЕГУ, 2003. – 172 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТЦОВСТВЕ У МУЖЧИН ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

В. Д. Дикун

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Dikun1488@gmail.com;

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

В данной статье представлены результаты исследования представлений об отцовстве у мужчин. Объектом исследования является феномен отцовства в психологии, предметом – представления об отцовстве у мужчин. Описывается содержание представлений об отцовстве у мужчин в период ранней взрослости, а также различия в образе идеального отца в представлениях мужчин из полных и неполных семей. Полученные результаты могут быть использованы психологами для работы с мужчинами, которые планируют стать отцами, с молодыми отцами и при работе с семейными конфликтами, связанными с воспитанием ребенка, которая заключается в подготовке мужчин к вступлению в роль отца и налаживании взаимоотношений между отцом, матерью и ребенком.

Ключевые слова: феномен отцовства в психологии; представления об отцовстве; образ идеального отца; полные и неполные семьи; семейные ценности.

Родительство является одной из центральных проблем ряда психологических наук. В современной семье происходит преобразование супружеских ролей и, как следствие, моделей не только материнства, но и отцовства. Растет число детей, воспитывающихся в неполной семье. В подавляющем большинстве – это материнские семьи. Современный кризис отцовства во многом обусловлен противоречивыми и стереотипными представлениями о роли отца, объединением материнской и отцовской роли, возникающими семейными конфликтами, уходом отца из семьи, что ведет к выполнению в силу различных обстоятельств женщиной отцовских функций. Это приводит к неспособности мужчины выполнять отцовскую роль, что сказывается не только на его собственном восприятии роли отца, но и на восприятии этой социальной роли ребенком. Мужчины-отцы, не участвующие в жизни ребенка, не имеют практических навыков и опыта общения с детьми, поэтому даже при желании общаться с собственным ребенком часто не делают этого.

Целый ряд социальных проблем общества возникает по причине ухода мужчины из семьи, отстраняя таким способом его от воспитания молодого поколения, что впоследствии проявляется в неспособности молодых отцов

сформировать устойчивую отцовскую модель и наладить отношения с собственным ребенком. Изучение представлений об отцовстве у мужчин в период ранней взрослости, когда они готовятся или уже стали родителями, может помочь в разрешении этих социальных проблем и установлении адекватных и плодотворных отношений мужчины с ребенком. Устойчивая отцовская модель у молодого родителя снизит риск его ухода из семьи и, следовательно, всех катастрофических последствий для семьи в целом и ребенка в частности.

Наше исследование направлено на анализ теоретических представлений о феномене и психологической структуре отцовства, выделение факторов, влияющих на формирование отцовства, и изучение представлений о феномене отцовства у мужчин в период ранней взрослости.

В качестве рабочего определения феномена отцовства было принято то, которое понимает отцовство как личностно-психологический феномен и может быть использовано в ходе исследования. Отцовство – это психологическое образование личности мужчины, включающее осознание родственной связи с детьми и чувства, к ним испытываемые, принятие и исполнение родительской роли, а также способствующее самореализации, самоутверждению и саморазвитию личности мужчины [2, с. 148]. Психологическая структура отцовства состоит из двух взаимодополняющих моделей: функциональной и структурной. Функциональная модель строится на основе функций, которые выполняет отец на протяжении жизни, и в нее входят следующие характеристики: пространство, время, информация, энергия [1, с. 107]. Структурная модель отцовства является теоретической и направлена на обобщение всех феноменов, факторов, особенностей и важнейших аспектов отцовства, которые проявляются у людей. В нее входят следующие компоненты: потребностно-эмоциональный, операциональный, оценочный, который в свою очередь подразделяется на самооценку и социальную оценку [1, с. 107].

Согласно анализу теоретического материала, молодые мужчины имеют реальные представления о роли отца и, исходя из своих представлений, воспринимают свою социальную роль положительно. Они считают роль отца одной из важнейших в своей жизни и готовы проводить больше времени со своим ребенком.

В проведенном нами эмпирическом исследовании было опрошено 50 мужчин в возрасте от 20 до 40 лет. 19 мужчин из неполных семей, 31 – из полных семей. Для сбора данных использовались методики «Тип

родительской позиции» (Н. В. Ключева) и «Представления об идеальном родителе» (Р. Г. Овчарова). Были получены следующие результаты.

Содержание представлений мужчин об отцовстве характеризуется преимущественно положительно. Мужчины оценивают отцовство позитивно, выражают готовность заниматься воспитанием своего ребенка наравне с матерью и считают, что участие отца в воспитании ребенка является необходимым. Они готовы заботиться о своих детях, находить с ними общий язык и уделять им много своего времени. В то же время стоит отменить низкую осведомленность респондентов о родительских обязанностях.

Значимых различий в типах отцовства между мужчинами из полных семей и из неполных семей не обнаружено. Можно сделать вывод, что представления об отцовстве у мужчин из неполных семей характеризуются положительно, как и у мужчин из полных семей.

Представления об идеальном отце у мужчин из полных семей значимо отличаются более выраженным когнитивным компонентом. Это объясняется тем, что мужчины из полных семей получили жизненный опыт, касающийся роли отца в семье, через наблюдение за собственным родителем, и имеют более глубокие представления о роли отца в семье, в отличие от мужчин из неполных семей, когнитивный компонент которых занимает низшую ступень в иерархии представлений об идеальном отце. Однако мужчины из неполных семей, имеющие слабое представление об отцовских обязанностях, имеют значимо выраженный поведенческий компонент, в отличие от мужчин из полных семей, что предполагает их более активное участие в воспитании собственных детей в будущем. Статистически значимых различий в выраженности эмоционального компонента образа идеального отца в представлениях мужчин из полных и неполных семей не обнаружено. Это можно объяснить отсутствием у большинства опрошенных мужчин из обеих групп родительского опыта.

Таким образом, в период ранней взрослости содержание представлений об отцовстве у мужчин из полных и неполных семей позитивно окрашено. Причем в представлениях об идеальном отце у мужчин из полных семей более выражен когнитивный компонент, а у мужчин из неполных семей – поведенческий.

Библиографические ссылки

1. *Борисенко, Ю. В.* Психология отцовства. – Москва-Обнинск : «ИГ-СОЦИН», 2007. – 202 с.

2. Манеров, Р. В. Структура личностного смысла представлений о себе как об отце мужчин с разным семейным статусом / Р. В. Манеров // Известия Рос. ГПИ им. А. И. Герцена. – 2008. – С. 147–152.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ И КОГНИТИВНОЙ ФЛЕКСИБИЛЬНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

А. Е. Довгилович

Белорусский государственный университет, г. Минск

ales.dovgilovich98@gmail.com

Научный руководитель – Смирнова Юлия Сергеевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

В статье рассмотрены когнитивные факторы поведения субъекта в конфликтной ситуации. Среди них особое внимание уделено когнитивной флексibility, которая, как показало проведенное эмпирическое исследование, взаимосвязана с конфликтным взаимодействием старших школьников и студентов: чем выше уровень когнитивной гибкости, тем в большей степени субъект будет стремиться выбирать оптимальную стратегию поведения в конфликте.

Полученные знания могут быть применены в учебном материале по конфликтологии, при медиации конфликтных ситуаций в школьной и студенческой среде, в тренингах конструктивного поведения в конфликте, а также в целях повышения конфликтной компетентности школьников и студентов. Так как полученные данные расширяют представление о связи когнитивных факторов и типов поведения в конфликтной ситуации, то они могут оказаться полезными кураторам школьных и студенческих групп, а также сотрудникам психологических служб учреждений среднего и высшего образования.

Ключевые слова: конфликт; когнитивная флексibility; стратегии поведения в конфликте; факторы конфликта; конфликтность.

Прежде всего, стоит отметить, что исход конфликта (под которым в рамках нашего исследования понимается биполярная активность субъектов взаимодействия, направленная на преодоление противоречия [1, с. 21]), будет зависеть от стратегий, реализуемых его участниками. Выбирая стратегию «агрессия», субъект конфликтной ситуации стремится добиться своей цели любой ценой, пренебрегая целями и желаниями оппонента. При осуществлении стратегии «уход» субъект стремится избегать конфликтной ситуации на поведенческом уровне или не замечает ее. Такую стратегию можно считать успешной в том случае, если предмет конфликта не является значимым для субъекта. Однако наиболее продуктивной можно считать стратегию «решение», которая предполагает нахождение выхода из конфликтной ситуации при удовлетворении всех сторон конфликта [2, с. 35].

Выбор стратегии будет связан не только со сложившейся ситуацией, но и с ее оценкой оппонентами конфликта. Поэтому особого внимания

заслуживает анализ когнитивных факторов. Выделяют следующие когнитивные факторы конфликта: восприятие конфликта и его образ, когнитивную схему конфликта и т.д.

К когнитивным факторам можно отнести когнитивную флексибельность личности, под которой понимается ментальная способность, характеризующая умение индивида преобразовывать когнитивные установки в ответ на изменяющиеся условия его жизнедеятельности [3, с. 195]. И в рамках этой темы встает вопрос: будет ли успешное изменение когнитивных установок связано с таким же успешным решением конфликтных ситуаций? Конфликтная ситуация предполагает наличие других субъектов взаимодействия, что значительно усложняет процесс оценки и изменения установок. В этом и заключается существенная разница между конфликтной и просто проблемной ситуацией.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что среди старших школьников на первый план выходят конфликты, связанные с желанием самоутвердиться и показать себя. Это является достаточно естественным, так как старшие школьники начинают глубже осознавать свои возможности и поэтому стараются искать пути для реализации своего потенциала [4, с. 50].

Если говорить о конфликтах у студентов, то им также свойственны конфликты, которые являются следствием их желания найти себя. Но к этим конфликтам добавляются и те, которые можно назвать ценностными. Возникают они при встрече еще не совсем устоявшихся взглядов молодых людей с ценностями и взглядами людей взрослых и опытных [5, с. 130].

Таким образом, изучив особенности конфликтов среди старших школьников и студентов, мы посчитали необходимым провести эмпирическое исследование, которое позволило увидеть отличительные особенности взаимосвязи когнитивных факторов (а именно когнитивной флексибельности) и поведения учащихся в конфликте.

Выборку исследования составили 62 студента 2-3 курсов (из них 28 юношей и 34 девушки), а также 61 старший школьник – учащиеся 9–11 классов (из них 29 юношей и 32 девушки). Основным методом сбора информации являлся опрос в форме анкетирования. В анкету вошли следующие методики: опросник «Диагностика ведущего типа реагирования» (М. Кашапов, Т. Киселева), «Опросник когнитивной флексибельности» (J. Dennis, J. Vander Wal), а также авторская анкета.

Для изучения степени и характера взаимосвязи между когнитивной флексибильностью и различными стратегиями поведения в конфликте была использована статистическая процедура парной корреляции с применением коэффициента корреляции Спирмена. Поясним, что опросник когнитивной флексибильности состоял из двух шкал: шкалы «Альтернативы» и шкалы «Контроль». Полученные результаты корреляционного анализа представлены в таблице ниже.

Коэффициенты корреляции шкал когнитивной флексибильности со стратегиями поведения в конфликте

Шкала	Стратегия		
	агрессия	уход	решение
«Альтернативы»	-0,218*	-	0,455**
«Контроль»	-0,256**	-0,523**	0,211*

«**» Корреляция значима на уровне 0,01

«*» Корреляция значима на уровне 0,05

«-» Статистически значимые корреляции между переменными не обнаружены

Была выявлена средняя положительная корреляция показателя когнитивной флексибильности по шкале «Альтернативы» и стратегии «решение» ($r=0,455$). Полученная связь может свидетельствовать о том, что старшие школьники и студенты, которые способны давать несколько вариантов решения в сложной сложившейся ситуации, с большей вероятностью в конфликтной ситуации выберут стратегию «решение». Это может быть связано с тем, что стратегия «решение» предполагает ознакомление оппонента конфликта с точкой зрения другой стороны. Это говорит нам о том, что человек готов рассмотреть альтернативные точки зрения и выбрать ту из них, которая поможет разрешить конфликт наиболее удобным способом для обеих сторон.

Вторая шкала общей когнитивной флексибильности под названием «Контроль» проявила слабую отрицательную связь со стратегией «агрессия» ($r= -0,256$) и среднюю отрицательную связь – со стратегией «уход» ($r= -0,523$). Связь между шкалой «Контроль» и стратегией «уход» может быть объяснена следующим образом. Содержательной характеристикой шкалы «Контроль» является восприятие человеком возникшей проблемной ситуации как контролируемой. Это значит, что человек осознает свою возможность справиться или хотя бы изменить

сложившуюся ситуацию. А стратегия «уход» предполагает, что субъект не готов вступать в конфликтное взаимодействие. Выбор данной стратегии может быть мотивирован тем, что человек не готов тратить свои ресурсы на конфликтное взаимодействие из-за неважности предмета конфликта, а также тем, что человек воспринимает конфликтную ситуацию как неконтролируемую. Человек может считать, что конфликтная ситуация ему не по силам и наиболее правильным решением является уход.

Таким образом, полученные результаты подтвердили изначальную гипотезу о связи когнитивной флексибильности и стратегий поведения старших школьников и студентов в конфликтах. Согласно полученным данным, старшие школьники и студенты, которые способны давать несколько вариантов решения в сложной сложившейся ситуации, с большей вероятностью в конфликтной ситуации выберут стратегию «решение». А если конфликтная ситуация воспринимается как неконтролируемая или субъект считает, что он не способен справиться с проблемной ситуацией, то возможными стратегиями будут являться «агрессия» и «уход».

Библиографические ссылки

1. *Гришина, Н. В.* Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб. : Питер, 2014. – 576 с.
2. *Кашапов, М.* Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт / М. Кашапов // Вестник СПбГУ. – 2012. – № 3. – С. 31-41.
3. *Ionescu, Th.* Exploring the nature of cognitive flexibility / Th. Ionescu // New Ideas in Psychology. – 2012. – Vol. 30, № 2. – P. 190–200.
4. *Наумова, Л. Д.* Формирование готовности старших школьников к продуктивному разрешению конфликтов / Л. Д. Наумова // Образование и наука. – 2009. – № 10 (67). – С. 48-58.
5. *Черкасова, Т. В.* Социальные конфликты в молодежной среде: дис. ... канд. соц. наук : Т. В. Черкасова. – Уфа, 1997. – 170 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК ТЁМНОЙ ТРИАДЫ ЛИЧНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ИХ ДЕТЕЙ В ПЕРИОД ЮНОСТИ

Е. С. Дротенко

Белорусский государственный университет, г. Минск;

yelena.drotenko@gmail.com;

Научный руководитель – Хонский Сергей Игоревич,

старший преподаватель кафедры психологии

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи характеристик «Тёмной триады» личности родителей и их детей в период юности. Авторы выявляют содержательные характеристики «Тёмной триады» личности в период юности и родителей, воспитывающих детей в период юности, на основании приведенных эмпирических исследований устанавливают психологические корреляты «Тёмной триады» личности. Были выявлены статистически значимые отрицательные взаимосвязи между стилями воспитания родителей и уровнями выраженности личностных черт, входящих в симптомокомплекс «Тёмная триада». Полученные данные свидетельствуют о том, что выраженность тех или иных черт, входящих в симптомокомплекс «Тёмная триада», у детей будет зависеть от того, какого стиля воспитания придерживаются его родители, насколько сильно выражен уровень черт «Тёмной триады» у родителей, а также от количества детей в семье.

Ключевые слова: «Тёмная триада» личности; стиль воспитания; период юности; макиавеллизм; нарциссизм; психопатия.

Каждое свойство, входящее в симптомокомплекс «Тёмная триада», содержит сложное уникальное строение, относительно которого на данный момент не существует единого мнения. Каждое из трёх свойств – макиавеллизм, нарциссизм и психопатия – представляет собой самостоятельное образование негативных черт личности, но вместе с тем они тесно связаны друг с другом.

Макиавеллизм представляет собой склонность индивида к использованию манипулятивных действий по отношению к другому индивиду, не учитывая интересы объекта манипуляций.

Нарциссизм, как самостоятельное образование, представляет собой веру в собственную неповторимость и уникальность, острую реакцию на любую критику, уверенность в собственной и безоговорочной значимости, высокий уровень зависти и недостаток эмпатии.

Психопатия включает в себя бессердечие по отношению к другим индивидам, лживость, эгоцентризм, низкий уровень эмпатии, неспособность к раскаянию в причинении вреда другим людям [4].

Однако существует мнение о том, что нельзя с полной уверенностью отнести данный симптомокомплекс к негативной стороне личности, так как данное явление наблюдается у индивидов, которые успешны на политической арене и имеют большое значение в истории и обществе [2].

Составляющие «Тёмной триады» личности имеют отрицательные связи с доброжелательностью, эмоциональным интеллектом и честностью. Таким образом, все черты «Тёмной триады» личности влияют на поведение индивидов, стимулируя обман во взаимодействии с социумом, межличностном взаимодействии и отношении к себе [1].

«При исследовании природы индивидуальных различий по показателям Темной триады анализировались, во-первых, роль генотипических и средовых влияний в вариативности этих черт; во-вторых, вклад генотипа и среды в ковариацию показателей «Темной триады» и других личностных черт; в-третьих, роль генетических полиморфизмов в вариативности показателей Темной триады» [3, с. 16].

По результатам близнецового исследования «Тёмной триады» личности была обнаружена большая роль генотипа в формировании нарциссизма, макиавеллизма и психопатии [6].

Теоретико-методологические основания работы составили:

- *подход к анализу стилей семейного воспитания Э. Г. Эйдемиллера*, в рамках которого диагностируется тип семейного воспитания и характер нарушений. На формирование характера ребёнка и особенности его поведения влияет тип родительско-детских отношений. Также ряд авторов указывают на то, что нарушение в системе семейного воспитания является патогенетическим фактором, который провоцирует формирование невротических состояний у детей.

- *концептуальные положения теории «Тёмной триады» Д. Полхуса и К. Уильяма*, согласно которым существует симптомокомплекс, включающий в себя следующие характеристики: макиавеллизм, нарциссизм и психопатию. Каждое свойство, входящее в симптомокомплекс, представляет собой самостоятельный конструкт, не зависящий от двух других. В то же время все три характеристики взаимосвязаны друг с другом и вносят свой вклад в такие «негативные» особенности человеческого поведения, как нарушение законов и общепринятых норм, использование других людей в личных целях, эгоизм, эмоциональная холодность, эгоцентризм, жестокость, отсутствие эмпатии и прочее.

- *концептуальные положения относительно феномена «Тёмной триады» К. Джонсона, М. Лайонс и Э. Бетель*, согласно которым стиль

воспитания, которого придерживаются родители по отношению к своим детям, может приводить к особенностям в развитии черт, образующих «Тёмную триаду» личности, а именно макиавеллизму, нарциссизму и психопатии.

• *концепция семейных взаимоотношений Э. Г. Эйдемиллера*, согласно которой родительское воспитание, а особенно его ошибки влияют на развитие детей и начинают проявлять себя уже с первых лет жизни [5].

• *классификация типов семейного воспитания детей Е. А. Личко и Э. Г. Эйдемиллера*. Опираясь на такие параметры, как степень гиперпротекции; удовлетворенность потребностей; требования, предъявляемые к ребенку; санкции, накладываемые на него; воспитательная неуверенность родителей, учёные выделяют шесть ведущих стилей: гипопротекция, доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, повышенная моральная ответственность, безнадзорность [5].

В соответствии с методологическими основаниями исследования нами был использован *опросный метод*.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики:

1. Опросник «Диагностика типов семейного воспитания АСВ» Э. Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкиса.

2. Опросник «Короткий опросник Тёмной триады» Д. Джонсона и Д. Полхуса в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой, О. В. Паршиковой.

Выборку исследования составил 78 респондентов. Среди них – 39 юношей и девушек в возрасте 16-20 лет (25 женщины, 14 мужчин); 39 родителей в возрасте 39-53 лет (24 женщины, 15 мужчин).

Особенности взаимодействия компонентов «Тёмной триады» личности родителей и их детей в период юности. С помощью корреляционного анализа была обнаружена статистически значимая отрицательная взаимосвязь умеренной силы между макиавеллизмом ребёнка в период юности и макиавеллизмом его родителей ($r=0,46$; $p\leq 0,05$). Так, чем выше уровень макиавеллизма личности у ребёнка, тем ниже этот уровень выявлен у родителя. Мы предполагаем, что это связано с тем, что у тех родителей, которые демонстрируют низкий уровень манипуляции другими людьми, может быть более внимательное, лояльное отношение к своим детям; такие родители чаще идут на уступки, тем самым дети, пользуясь возможностью, манипулируют своими родителями в целях удовлетворения своих потребностей.

С помощью корреляционного анализа была обнаружена статистически значимая отрицательная взаимосвязь умеренной силы между макиавеллизмом ребёнка в период юности и психопатией его родителей ($r = -0,40$; $p \leq 0,05$). Так, чем выше уровень макиавеллизма личности у ребёнка в период юности, тем ниже уровень психопатии у родителя. Это может быть связано с тем, что индивиды, обладающие высоким уровнем психопатии в силу выраженности такой особенности, как подавление маскулинности у других индивидов, бессердечие по отношению к другим и манипулирование ради собственной выгоды, не способны развить способность своих детей манипулировать ими, постоянно подавляя любые проявления силы со стороны ребёнка.

В результате проведенного корреляционного анализа была обнаружена умеренная отрицательная взаимосвязь между таким стилем воспитания, как фобия утраты, и нарциссизмом ребёнка ($r = -0,51$; $p \leq 0,05$). Чем более выражена фобия утраты у родителя по отношению к ребёнку, тем ниже уровень нарциссизма наблюдается у ребёнка. У родителей с таким стилем воспитания в качестве «слабого места» выступает повышенная неуверенность, страх ошибиться; они преувеличивают представление о хрупкости ребенка, его болезненности и беспомощности. Отношения родителей к ребёнку формируется под воздействием страха его утраты. В одной из теорий говорится о том, что нарциссизм формируется в ответ на холодность матери; ребёнок таким образом восполняет дефицит любви, возвышая себя в глазах других людей. Из этого следует, что те дети, которые воспитываются в постоянной заботе, опеке и внимании, обладают низким уровнем нарциссизма.

Также с помощью корреляционного анализа была обнаружена умеренная отрицательная взаимосвязь между таким стилем воспитания, используемым родителями женского пола, как расширение родительских чувств, и нарциссизмом ребёнка ($r = -0,43$; $p \leq 0,05$). Так, чем выше проявляется у матери желание отдать всю любовь, все чувства своему ребёнку, тем ниже уровень нарциссизма наблюдается у её ребёнка. Что же относительно родителей мужского пола, использующих такой же стиль воспитания своих детей в период юности, данной особенности выявлено не было.

Однако, следует заметить, что относительно отцов была обнаружена умеренная отрицательная взаимосвязь между таким стилем воспитания, как воспитательная неуверенность, и психопатией ребёнка ($r = -0,60$; $p \leq 0,05$). Уровень психопатии ниже у тех юношей и девушек, отцы

которых «идут на поводу» у детей, уступают практически во всех вопросах, придерживаются относительно ребенка принципа «минимум требований – максимум прав». Это может быть обусловлено психастеническими чертами личности родителя. С другой стороны, это может быть объяснено тем, что такие родители в детстве воспитывались требовательными и эгоцентричными и в настоящий момент видят в своих детях такую же требовательность, чувствуют себя по отношению к ним «должниками». Кроме того, как показывают исследования, отцы чаще склонны прибегать к аутодеструктивным формам поведения, в том числе переживанию неуверенности в собственных воспитательных возможностях по причине отсутствия более совершенных форм преодоления ситуаций фрустрации, которые наличествуют в большем поведенческом диапазоне у матерей. Как правило, отцам дольше приходится приспосабливаться к данной социальной роли. Формирование отцовской идентичности, вовлечение в процесс развития эмоциональной связи с ребёнком у них занимает дольше времени. Незавершенное формирование отцовской идентичности может быть причиной самообвинения [5]. Самообвинение в свою очередь может породить воспитательную неуверенность, заключающуюся в том числе в потокании ребёнку даже на этапе юности. В то же время такое неуверенное поведение отца оказывает более благоприятное воздействие на формирование личности ребёнка, нежели, наоборот, чрезмерно жёсткая отцовская позиция при взаимодействии. И именно указанное последним обстоятельство, согласно данным R. Smoski, и приводит к формированию психопатического радикала личности ребёнка [6].

Среди респондентов, составивших выборку, не было обнаружено статистически значимых половых различий по уровню проявления макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, образующих симптомокомплекс «Тёмная триада личности». Данные черты личности в равной степени проявляются как у респондентов мужского пола в период юношества, так и у респондентов женского пола в период юности. Однако с помощью U-критерия Манна-Уитни были обнаружены значимые различия параметра психопатии с сиблинговой позицией. Так, респонденты, имеющие старшую сестру, обладают наиболее высоким уровнем психопатии, нежели респонденты, у которых есть младшие братья или сестры, либо старшие братья ($U_{\text{эмп}} = 53,5; p \leq 0,05$).

В результате сравнительного анализа выраженности характеристик «Тёмной триады» и количеством воспитываемых детей в период

юношества в семье нами были найдены следующие статистически значимые различия.

Индивиды, воспитывающие более одного ребёнка, по сравнению с теми, кто воспитывает только одного ребёнка, имеют более высокий уровень макиавеллизма ($U_{\text{эмп}} = 87,5; p \leq 0,05$).

В результате сравнительного анализа выраженности характеристик «Тёмной триады» личности у родителей, воспитывающих более, чем одного ребёнка с полом детей (однополые или разнополые сиблинги) нами были выявлены следующие значимые различия.

Индивиды, воспитывающие разнополых детей, имеют более высокий уровень макиавеллизма, чем родители, воспитывающих однополых детей, а именно юношей. При чем значимыми оказались результаты только по отношению к юношам. Статистически значимых различий проявления макиавеллизма между родителями воспитывающих разнополых детей и детей, воспитывающих детей женского пола выявлено не было.

В результате проведенного корреляционного анализа была обнаружена статистически значимая положительная взаимосвязь умеренной силы с такой характеристикой стиля воспитания ребёнка, как игнорирование его потребностей и нарциссизма родителей ($r = 0,33; p \leq 0,05$).

Также с помощью корреляционного анализа была обнаружена статистически значимая взаимосвязь умеренной силы между характеристикой такого стиля воспитания ребёнка, как игнорирование его потребностей и высоким уровнем психопатии у родителей ($r = 0,45; p \leq 0,05$).

Статистически значимая взаимосвязь умеренной силы была обнаружена и при анализе такого стиля воспитания у родителей, как чрезмерность требований-обязанностей по отношению к ребёнку с высоким уровнем нарциссизма и психопатии у родителей. При высоком уровне нарциссизма – ($r = 0,54; p \leq 0,05$), при высоком уровне психопатии – ($r = 0,51; p \leq 0,05$).

Нами было выявлено, что выраженность психопатии у родителя также имеет положительную взаимосвязь умеренной силы со стилем воспитания ребёнка, предполагающим чрезмерность санкций ($r = 0,36; p \leq 0,05$).

Используя корреляционный анализ, нами была обнаружена положительная взаимосвязь умеренной силы между стилем воспитания, при котором индивиды выносят супружеский конфликт в сферу воспитания и нарциссизмом родителя ($r = 0,45; p \leq 0,05$), и психопатией ($r = 0,47; p \leq 0,05$).

В результате проведенного корреляционного анализа была обнаружена умеренная положительная взаимосвязь между таким стилем воспитания, как предпочтение женских качеств и психопатией у детей ($r = 0,44$; $p \leq 0,05$).

В качестве особенностей взаимодействия компонентов «Тёмной триады» личности родителей и их детей в период юности были получены следующие результаты: чем выше уровень макиавеллизма у родителей, тем ниже уровень макиавеллизма у их ребёнка. Высокий же уровень макиавеллизма ребёнка в период юности наблюдается при низком уровне психопатии родителя. Также были выявлены взаимосвязи между стилями воспитания, используемыми родителями и уровнем проявления характеристик «Тёмной триады» личности у их детей в период юности.

Библиографические ссылки

1. Дериш, Ф. В. Симптомокомплекс «Тёмная триада» во взаимосвязи с базовыми свойствами личности / Ф. В. Дериш // Вестник Пермского. гос. ун-та. Психологические исследования. – 2015. – № 43. – С. 18–27.
2. Дровосеков, С. Э. Особенности взаимосвязи компонентов «Тёмной триады» и личностных черт у мужчин и женщин / С. Э. Дровосеков, Ю. О. Нелюбина, А. А. Жемчугова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № 3. – 6 с.
3. Егорова, М. С. Тёмная триада / М. С. Егорова // Психологические исследования. – 2014. – № 38. – 31 с.
4. Полунина, А. Г. Антисоциальное поведение: нейропсихологический корреляты и роль нейробиологических факторов / А. Г. Полунина, Е. А. Брюн // Социальная и клиническая психиатрия. – 2013. – № 4. – С. 83–90.
5. Эйдемиллер, Э. Г. Семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис // СПб. – 1999. – 413 с.
6. Vernon, P. A., Villani, V. C. A behavioral genetic investigation of the Dark Triad and the Big 5 / P. A. Vernon, V. C. Villani, J. A. Harris, L. C. Vickers // Personality and Individual Differences. – 2008. – Vol. 44. – № 2. – P. 445–452.

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. ФУКУЯМЫ КАК СТРАТЕГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

А. А. Ермолович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

arseny.ermolovich@gmail.com

*Научный руководитель – Румянцева Татьяна Герардовна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
культуры*

Концепция конца истории, которая составляет философский фундамент либерально-демократической концепции Фукуямы, актуальна сегодня с нескольких точек зрения. Во-первых, впервые за очень долгое время появилась немарксистская интерпретация работ Г. В. Ф. Гегеля в англоязычном сегменте политической философии. Во-вторых, в русскоязычном пространстве политико-философских дискуссий очень часто отсутствует целостная картина теоретических исследований творчества Фукуямы: его концепция конца истории, либерально-демократическая концепция, критика трансгуманизма и др. рассматриваются часто отдельно друг от друга. Одной из задач данной работы как раз и является получение целостного представления учения данного философа.

Ключевые слова: Ф. Фукуяма; межкультурный диалог; конец истории; тимос; либеральная демократия; идентичность.

В 2010-х годах многие европейские политики заявили о полном провале политики мультикультурализма. Сегодня, в 2020 году, считается даже неприличным в какой-то степени не признавать этого. Все чаще говорят об альтернативных мультикультурализму стратегиях, но реально существующих концептуально выверенных на сегодняшний день чрезвычайно мало. Публицисты и политические исследователи поднимают тему возрождающегося национализма, или нео-национализма, чаще всего в негативных тонах [2; 3; 13]. Это не концепция в классическом понимании, скорее политический инструмент. Но в академическом мире, по определению менее заметном для большинства, появились две действительно альтернативные концепции. Одна из них принадлежит Ульриху Беку и носит название «космополитизм», вторая – Фрэнсису Фукуяме, которую мы условно назвали «либерально-демократическая концепция». Второй и посвящена данная работа (хотя небольшое место Бек в ней все же занимает – для сравнения).

Такое наименование следует пояснить. Дело в том, что в русскоязычном сегменте социально-философской литературы сложилось общее

некорректное мнение о работах Ф. Фукуямы, главным образом по поводу его книги «Конец истории и последний человек». Помимо многочисленных кривотолков, часто вызванных обыкновенным невнимательным чтением (многие исследователи ограничиваются цитатами из введения и первой главы, тогда как самое главное в последней пятой главе), существует прочно укоренившийся взгляд на последующие работы американского исследователя как никоим образом не связанные с «Концом истории», а то и полностью противоречащие ее идеям. Косвенная задача данной работы – показать ошибочность такого взгляда. А поскольку такая тема ранее не поднималась, пришлось придумать название для концепции, объединяющей как минимум четыре книги Ф. Фукуямы: «Конец истории и последний человек», два тома «Политического порядка» и «Идентичность». Их объединяет понятие «либеральная демократия» – ее происхождение и формирование, а также процессы, происходящие в либеральных демократиях в настоящее время.

Стоит начать с фундаментальной части учения Ф. Фукуямы. Под концом истории философ понимает не то, что перестанут происходить события, но что История как единый, последовательный, эволюционный процесс политического и экономического развития закончится – нельзя придумать идеала лучше либеральной демократии и капитализма, т.е. политического и экономического либерализма [9, с. 71–72].

Ключевым понятием для Ф. Фукуямы является «тимос» – это 1) третья часть души, яростная, неразумная (даже нерациональная), но благородная (как и у Платона); 2) способность наделять вещи ценностью; 3) основание политических добродетелей, а значит и фундамент всех политических процессов и политики вообще.

Ф. Фукуяма создал два новых термина для обозначения двух видов онтолого-политических отношений: мегалотимия и изотимия [9, с. 184–185]. Первый означает желание быть признанным лучше других, которое и лежит в основе отношения Господина и Раба. Под вторым же понимается желание быть признанным равным другим, или отношение Гражданин-Гражданин.

Либеральная демократия является объективацией принципа изотимии. Так, она не искореняет мегалотимию как таковую, но переводит ее в более безопасное русло, создает необходимые условия как для реализации тимоса, так и для гарантии свободы.

Краеугольный камень концепции – ответ на вопрос, возможна ли единая, универсальная История. Знание ставится во главу угла. Из всех

социальных предприятий лишь наука, или, конкретнее, современное естествознание, является кумулятивным, универсальным и направленным [9, с. 73]. Естествознание развивается поэтапно, используя старые знания, чтобы получить новые, и с помощью последних – либо получить знания еще новее, либо опровергнуть старые. Оно произвело определенный эффект на формирование обществ, фундаментально меняя их и, по сути, гомогенизируя, усредняя их.

Современное естествознание появилось в определенное время истории в определенной части света. Но как только оно появилось там, оно стало достоянием рационального человека вообще, а значит и всего человечества в принципе. Первый способ, которым естествознание производит исторические изменения, которые к тому же являются универсальными и направленными (или векторными), – это военная конкуренция. Технологии дают решающее военное преимущество тем странам, которые обладают ими, а в виду постоянной возможности войны ни одна страна не может пренебрегать модернизацией обороны.

С другой стороны, наука, задавая единый горизонт производства и потребностей, диктует развитие экономических систем в сторону капитализма, тем самым гомогенизируя государства. Однако Ф. Фукуяма не считает современное естествознание причиной изменений; оно – лишь регулятор, механизм направленности Истории.

Подобно тому, как культура влияет на способность стран устанавливать и поддерживать политический либерализм, точно так же культура влияет на их способность заставить экономический либерализм работать. Как и в случае с политической демократией, успех капитализма в некоторой степени зависит от выживания досовременных культурных традиций сегодня. Как и политический либерализм, экономический либерализм не является полностью автономным, а зависит от степени иррациональности тимоса.

Принятие политического или экономического либерализма большим количеством наций не устранит их культурных различий, что, несомненно, станет еще более очевидным по мере уменьшения их идеологических разногласий [5].

В двух томах «Политического порядка» Ф. Фукуяма пытается определить главные составляющие либеральной демократии и рассмотреть сам процесс эволюции демократии. Первой является государство и его способность выполнять свои функции [10]. Государство сильно не в той степени, в которой оно может применять силу, а в той, в которой оно

может обеспечить безопасность, образование, здравоохранение. Также государство должно в какой-то мере контролировать рынок, а степень контроля зависит от стадии развития. К примеру, в неразвитых странах должен быть полный контроль, в развивающихся – частичный, в развитых – частичный, во времена кризиса.

Вторая составляющая либеральной демократии – власть закона, и это один из противовесов произволу государства [4; 10, с. 13]. Власть закона – принцип, утверждающий верховенство права. Ф. Фукуяма отличает его от «власти по закону» – когда право произвольно утверждается государством, но его беспрекословно соблюдают.

Третья составляющая – демократическая подотчетность [10, с. 11]. Государство обязано исполнять свои обязанности, а если этого не происходит, правительство должно быть смещено.

Однако демократические институты могут приходить в упадок и отбрасывать страну «обратно в историю». Главная угроза либеральной демократии – то, что Ф. Фукуяма назвал «репатримониализацией» [8, с. 28]. Досовременные государства являются патримониальными – на должности выбираются люди исходя из их родства. Современные же государства характеризуются меритократией – людей выбирают из-за их навыков и способностей. Репатримониализация – это возвращение элементов досовременного государства, и только либеральная демократия обладает механизмами «очистки» – власть закона и демократическая подотчетность. Избежать упадка политических институтов можно только задействовав эти механизмы [8, с. 462].

Прежде чем перейти к проблеме межкультурного диалога, необходимо сначала определить субъект этого диалога. Основы идентичности были заложены с восприятием разрыва между внутренним миром и внешней ролью человека. На Западе идея идентичности родилась во время протестантской Реформации и впервые была выражена в учении Мартина Лютера, западного мыслителя, который одним из первых сформулировал и поставил внутреннее Я над внешней социальной ролью.

Подобно М. Лютеру, Ж.-Ж. Руссо устанавливает четкое различие между внутренним Я и внешним обществом, требующим соответствия его правилам [7, с. 34–37]. Однако свобода этого внутреннего человека заключается не в его способности принять Божью благодать; скорее она заключается в естественной и универсальной способности испытывать чувство существования, свободное от слоев накопленного социального опыта. Секуляризация внутренней самости и приоритет, который он отдает

ему над социальным установлением, являются, таким образом, критически важным шагом к современной идее идентичности.

Современная концепция идентичности объединяет три разных понятия. Первое – это тимос, универсальный аспект человеческой личности, жаждущей признания. Второе – это различие между внутренним и внешним Я и повышение моральной оценки внутреннего я по сравнению с внешним обществом. Третий – это развивающаяся концепция достоинства, в которой признание обусловлено не узким классом людей, а всеми [7, с. 50–52].

К началу девятнадцатого столетия большинство элементов современной концепции идентичности уже присутствуют: различие между внутренним и внешним Я, оценка внутреннего существа выше наличных социальных установлений, понимание того, что достоинство внутреннего Я опирается на его моральную свободу, и требование признания свободной внутренней личности.

Политика признания и достоинства достигла своего апогея к началу XIX века. Одна из дорог на распутье привела ко всеобщему признанию прав личности и, как следствие, к либеральному обществу, стремящемуся предоставить гражданам постоянно расширяющуюся сферу индивидуальной автономии. Другая дорога привела к утверждению коллективной идентичности, двумя основными проявлениями которой были национализм и политизированная религия [7, с. 72].

Поддержка политики мультикультурализма во второй половине XX века имела несколько причин. Во-первых, после Второй мировой войны и, в частности, Холокоста, было невозможно игнорировать институционализированный расизм и этнические чистки. Во-вторых, крушение европейской колониальной системы, вызванное войнами за независимость в странах Азии и Африки, заставило в корне поменять отношение между бывшими метрополиями и колониями, культуры которых прежде рассматривались в лучшем случае в оппозиции «прогрессивная-традиционная». Наконец, подъем Движения за гражданские права в США, которое критиковало идеалы ассимиляции, часто приводившие к формированию предрассудков против тех, кто не действовал согласно англо-американским стандартам, спровоцировал как появление ряда дисциплин, объединенных под общим названием «этнические исследования» (ethnic studies), так и отдельных академических программ, направленных на поддержку расовых и этнических меньшинств в школах.

Главный стержень критики стратегии мультикультурализма – это излишнее внимание к правам и нуждам меньшинств и пренебрежение нуждами большинства, то есть белого населения [1; 7; 11; 12]. Критика распространяется и на вещи более частного порядка – образование. Претензии, предъявляемые к стратегии мультикультурализма, носят также и чисто идеологический характер. Политические консерваторы, к примеру, считают, что мультикультурализм размывает доминирующую культуру, подрывает единство общества, навязывает во многом искусственную политкорректность, а также приводит к моральному релятивизму (размывает традиционные ценности). С другой стороны, представители политического либерализма критикуют стратегию мультикультурализма за превалирование интересов группы над интересами индивида. В конечном итоге, к концу первого десятилетия стало очевидным, что стратегия мультикультурализма, не способная справиться с новыми социокультурными условиями, нуждается в альтернативе.

Другой путь предлагает У. Бек в своей программе космополитизма, которая характеризуется крайним индивидуализмом (в противоположность либерально-демократической концепции Ф. Фукуямы и стратегии мультикультурализма), а также культурным плюрализмом.

Важно заметить, что процесс космополитизации У. Бека рассматривает в связке с глобализацией – это так называемая глобализация изнутри национальных государств, которая позволяет делать локальный опыт глобальным, а глобальный – локальным.

Предполагаемый итог проекта У. Бека – всемирная федерация, Космополис, состоящий из региональных альянсов. И хотя этот Космополис, как и кантовский вечный мир, является недостижимой целью, все же необходимо к нему стремиться во имя мира [1].

Политика идентичностей является, согласно Ф. Фукуяме, формой межкультурного диалога. Однако, главной угрозой как для либеральной демократии, так и для самого межкультурного диалога Ф. Фукуяма считает радикальную политику идентичностей. Сама по себе политика идентичностей не плоха, но с ней связан ряд негативных эффектов. Во-первых, это исключение из дискурса старейших и крупнейших групп общества. Во-вторых, борьба за права может легко перерасти в борьбу за господство, и это угрожает в первую очередь свободе слова. В-третьих, левая политика идентичностей и то, как она сегодня практикуется, привела в движение правую политику идентичностей.

Решение проблемы Ф. Фукуяма видит в создании и продвижении более интегрирующей идентичности – идентичности через кредо (creed identity) [7, с. 137]. Ценность культурного разнообразия как такового, которую мультикультурализм возвел на пьедестал, приводит только к отдалению групп друг от друга. Нечто похожее уже было создано в США и Франции (свобода, равенство, братство Французской революции). Но вдобавок к декларации этих ценностей должна проводиться активная политика по их внедрению.

Для укрепления этой кредо-идентичности, считает Ф. Фукуяма, людьми должны быть принесены «жертвы» – обязательная военная либо административная служба, которая, с одной стороны, позволяет людям из разных социальных групп объединяться для служения одной цели, а, с другой – способствует тому, чтобы человек не слишком глубоко погружался в частную жизнь и совсем отрезал себя от общественной.

Идентичность может разъединять, но она же может и объединять. Все дело в правильной формулировке и системе общественной политики.

Напоследок, необходимо сделать несколько замечаний – как в отношении данной работы, так и в отношении либерально-демократической концепции Ф. Фукуямы.

Американский мыслитель нигде не употребляет термин «межкультурный диалог». Но право предполагать, что он говорит именно о межкультурном диалоге, обсуждая проблему политики идентичностей, косвенно дает нам сам Ф. Фукуяма. Все его тезисы указывают на то, что политика идентичностей и есть форма культурного диалога – ее современная форма.

Возвращаясь к некоторым конкретным идеям Ф. Фукуямы, необходимо указать на их некоторую противоречивость. Кредо-идентичность он называет рациональной формой идентичности, в принципе свободной от культурных (национальных, этнических, религиозных) наслоений. Ее содержание – это демократические ценности. В то же время Ф. Фукуяма не отказывается от понятия «нация», указывая на то, что без нации нет демократии, так как нация – это главный субъект демократической политики. В таком случае остается непонятным, чем, например, американская кредо-идентичность будет отличаться от французской кредо-идентичности. Действительно, сами эти названия звучат парадоксально. Ф. Фукуяма не идет до конца в своем стремлении разделить культуру и политику.

Во-вторых, в теоретическом, философском плане, вероятно, необходимо было пойти дальше и задаться вопросом о целесообразности коллективной идентичности как таковой. Ф. Фукуяма не проводит четкой границы между межличностной и политической сферами общения, хотя в его книге коллективная идентичность понимается только в политическом плане. Таким образом, вопрос можно поставить так: не является ли коллективная идентичность тем, что должно быть преодолено во внеполитической сфере?

В-третьих, несмотря на индивидуалистический пафос, присущий его трудам в целом, Ф. Фукуяма предлагает набор довольно жестких мер по укреплению кредо-идентичности: в частности, единую национальную систему образования; обязательное прохождение военной или административной службы; активное вовлечение людей в политическую жизнь, вплоть до наказаний в виде штрафов за неучастие в выборах.

Тем не менее, главной, судя по всему, заслугой Ф. Фукуямы в теоретическом плане является введение понятия «тимос», которое акцентирует иррациональную природу человека, сдерживаемую рациональными институтами, им же самим созданными.

Библиографические ссылки

1. *Beck, U.* The Cosmopolitan Society and its Enemies / U. Beck. – Cambridge: Polity Press, 2002.
2. *Clover, C.* Black Wind, White Snow: The Rise of Russia's New Nationalism / C. Clover. – Yale University Press, 2016.
3. *Eger, M. A.* Neo-nationalism in Western Europe / M. A. Eger, S. Valdez. – European Sociological Review, 31 (1), 2014. – pp. 115–130.
4. *Fukuyama, F.* A Model Democracy Is Not Emerging In Iraq [Электронный ресурс] / F. Fukuyama // Spiegel Online. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/interview-with-ex-neocon-francis-fukuyama-a-model-democracy-is-not-emerging-in-iraq-a-407315.html>. Дата доступа: 22.03.2006.
5. *Fukuyama, F.* A Reply to My Critics [Электронный ресурс] / F. Fukuyama // The National Interest. – Режим доступа: http://www.wesjones.com/eoh_reply.htm#source.
6. *Fukuyama, F.* At The “End of History” Still Stands Democracy [Электронный ресурс] / F. Fukuyama // The Wall Street Journal. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/at-the-end-of-history-still-stands-democracy-1402080661>. – Дата доступа: 06.06.2014.
7. *Fukuyama, F.* Identity: The Demand For Dignity And The Politics of Resentment / F. Fukuyama. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2018.
8. *Fukuyama, F.* Political Order and Political Decay / F. Fukuyama. – London: Profile Books LTD, 2014.
9. *Fukuyama, F.* The End of History and The Last Man / F. Fukuyama. – NY: Free Press, 1992.
10. *Fukuyama, F.* The Origins of Political Order / F. Fukuyama. – London: Profile Books LTD, 2011.

11. *Fukuyama, F.* They Can Only Go So Far [Электронный ресурс] / F. Fukuyama // The Washington Post. Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/08/22/AR2008082202395.html>. Дата доступа: 24.08.2008.
12. *Fullinwider, R.* Multiculturalism / R. Fullinwider. – Blackwell, 2003.
13. *Hirsch, M.* Why The New Nationalists Are Taking Over / M. Hirsch. – Politico, 2016.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. С. Иванова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ivanovaannapsy@gmail.com;

*Научный руководитель – Фофанова Галина Александровна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии*

Статья отражает актуальность проблемы профессиональной идентичности и факторов ее формирования, а также описывает функции и периодизации, благодаря которым можно изучать феномен профессиональной идентичности, настолько важный для таких дисциплин, как психология труда, организационная психология, педагогическая психология, педагогика.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; профессиональное самосознание; функции профессиональной идентичности; профессиональное становление; факторы формирования профессиональной идентичности.

В современном мире остро стоит вопрос трудоустройства и выбора профессионального пути. Актуальным этот вопрос является для каждого человека. Выбор профессии и дальнейшая профессионализация – одна из важнейших жизненных задач современного человека. Профессиональная деятельность является неотъемлемой составляющей жизни человека. Профессия как таковая задает вектор развития личности и участвует в становлении мировоззрения.

Интерес составляет процесс формирования профессиональной идентичности – того новообразования, благодаря которому человек идентифицирует себя с определенной профессиональной группой. А также немаловажными являются социально-психологические факторы, определяющие данный процесс.

Актуальность изучения профессиональной идентичности и факторов ее формирования обусловлена стремительными изменениями современного мира, экономической конъюнктуры, института семьи. Актуальность исследования данной проблемы также подтверждается тем, что профессиональная деятельность – один из основных видов деятельности взрослого человека. Социально-экономические изменения влияют на современный рынок труда, который диктует свои правила отбора специалистов. В условиях современности стоит вопрос профессиональной идентичности многопрофильных специалистов, а также лиц, которые

потеряли работу или же никогда и не работали по специальности после получения профессионального образования.

Идентичность возникает в результате социализации индивида, т.е. усвоением норм, правил поведения, а также интернализации ценностей, потребностей взаимодействия с другими людьми, включения в различные социальные группы. Можно сказать, что профессиональная идентичность формируется в результате приобщения к профессиональному опыту определенного профессионального сообщества, осознания принадлежности той или иной профессиональной группе, понимания ценностей, миссии, целей и задач данной профессии. В контексте профессионального становления *профессиональную идентичность можно рассматривать как психологическую категорию, которая относится к осознанию своей принадлежности к определённой профессии и определённому профессиональному сообществу, осознание целей, задач выбранной профессии и возможности самоактуализации в профессии; детерминирована прежде всего предыдущим онтогенетическим развитием личности, а также профессиональным общением и профессиональным опытом; является конкретизацией личностной и социальной идентичности в профессиональной психосоциальной реальности.*

Важно определить, как развивается профессиональная идентичность в процессе онтогенеза, однако традиционно в психологии имеется множество теорий. Следует определить, формируется ли профессиональная идентичность на базисе склонностей, с началом освоения профессиональных знаний, или формируется непосредственно с момента начала приобщения к профессиональному сообществу.

Л. Б. Шнейдер выделяет следующие четыре этапа формирования профессиональной идентичности, которые сопоставляются с этапами психического развития:

1. Допрофессиональный. В период детства происходит накопление знаний о многообразии профессий. Знания несистемны и фрагментарны. Выбор профессии на данном этапе определяется фантазиями и представлениями.

2. Предпрофессиональный. Начало профессионального самоопределения, идентификации себя со своей профессией.

3. Осведомительный. Дифференциация на профессиональные группы и идентификация себя с одной из них в процессе освоения профессиональных знаний. В этот период происходит персонализация,

закрывающаяся в идентификации со своим профессиональным сообществом и обособлением от других.

4. Профессиональный. В этот период происходит активная трудовая деятельность, приобщение к ней, углубленное усвоение норм, идеалов и ценностей выбранной профессии [6].

Можно также рассмотреть периодизацию становления профессиональной идентичности Д. Сьюпера [7]. Он выделяет следующие 5 этапов:

- **Первый этап** (0-14 лет) – Развитие «Я-концепции» путем игр, занятий. Как итог – формирование интересов, оказывающих впоследствии влияние на выбор профессии.

- **Второй этап** (15-24 лет) – анализ своих потребностей, способностей и возможностей. В конце данного этапа молодые люди останавливаются в своем выборе на определенной профессии и начинают ее активно осваивать.

- **Третий этап** (25-44 лет) – характеризуется усовершенствованием своих навыков и умений в выбранной профессии.

- **Четвертый этап** (44-65 лет) – активного профессионального роста не наблюдается. Сохранение определенного уровня профессионализма.

- **Пятый этап** (после 65 лет) – спад профессиональных возможностей в силу психофизиологических изменений.

Как видно, данные периодизации рассматривают немаловажную роль детства в становлении профессиональной идентичности, однако они не предусматривают ситуации осмысленной или вынужденной смены специализации. На наш взгляд, безусловно, необходимо рассматривать период детства и юности в контексте формирования профессиональной идентичности, так как на этих этапах формируются склонности, способные детерминировать профессиональную ориентацию. Однако важно учитывать переменную смены и потери работы вследствие изменчивой конъюнктуры рынка труда, т.к. данный вопрос является достаточно актуальным, но данные теории не предоставляют исчерпывающей информации относительно данных аспектов. Важно отметить, что осознание себя как профессионала наступает вследствие приобщения к профессиональным ценностям, которые формируются в процессе профессионализации или приобщения к профессиональной практике.

Профессиональная идентичность выполняет ряд функций, среди которых можно выделить следующие:

1. Основной функцией профессиональной идентичности, которую подчеркивали многие авторы, является *соотнесение себя с каким-либо профессиональным сообществом, профессиональной группой*. Это является главной функцией и задачей профессиональной идентичности, остальные же функции вторичны.

2. *Когнитивная*, предполагающая под собой социально-познавательные процессы;

3. *Аксиологическая*, заключающаяся в формировании профессиональных ценностей;

4. *Эмоциональная*, определяющая реагирование на определенные задачи, в частности профессиональные;

5. *Коммуникативная*, обеспечивающая взаимодействие между членами профессионального сообщества;

6. *Поведенческая функция*, регулирующая собственно поведение внутри и за границами профессиональной деятельности.

Рассматривая факторы формирования профессиональной идентичности, мы должны остановиться на классификации данных факторов.

Формирование профессиональной идентичности происходит под воздействием различных факторов. О. А. Нор-Аревян и А. М. Шаповалова выделяли различные категории факторов формирования профессиональной идентичности.

Так, по уровню исследования различают:

1. Факторы микроуровня (личностные особенности, семья, трудовой коллектив);

2. Факторы мезоуровня (образование, СМИ, профессиональное сообщество);

3. Факторы макроуровня (социально-профессиональная стратификация и престиж профессии в обществе, экономическая ситуация в мире, рынок труда, идеология государства и т.д.).

По степени направленности воздействия различают стихийные факторы и факторы направленного конструирования [4].

В соответствии Дж. Сьюперу, человек неосознанно ищет профессию, которая позволила бы ему сохранять свои собственные представления о самом себе [6]. Здесь мы можем видеть перекликающуюся идею с тем, что профессиональная идентичность выполняет ту же функцию, что в целом выполняет Я-концепция.

Ценностные ориентации также могут оказывать определенное влияние на формирование профессиональной идентичности. Так, Ш. Шварц

утверждал, что ценностные ориентации представляют собой надситуативные детерминанты человеческого поведения, или мотиваторы [3]. Таким образом, можно предположить, что ценностные ориентации личности могут становиться причинами выбора профессии.

Особую роль в формировании профессиональной идентичности играет семья, а именно стиль воспитания в семье. Так, в психологии принято выделять 6 основных стилей семейного воспитания: авторитарный, попустительский, демократический, хаотичный, отчужденный и гиперопека. Проанализировав эти стили воспитания, можно сделать вывод, что демократический стиль воспитания положительно влияет на формирование профессиональной идентичности, тогда как остальные выступают негативными факторами, препятствующими осознанному профессиональному самоопределению. Также стоит уделить внимание детям и подросткам, воспитывающимся в детских домах и интернатах. Дети и подростки по сути находятся в положении социальной депривации, их социальное пространство очень узко, вследствие чего у таких детей преобладают мотивы сегодняшнего дня, отсутствуют далекие жизненные цели, что затрудняет становление профессиональной идентичности [1].

Неотъемлемой частью становления профессиональной идентичности является образование. По данным исследования И. И. Родичкиной [3], лишь у 4% студентов-психологов наблюдается вырванная профессиональная идентичность. Причины этого могут крыться в методиках преподавания, а также зависеть от степени включения студентов в профессиональную практику. На данный момент система образования диктует классическую систему получения образования, что негативно сказывается на формировании профессиональной идентичности, а значит выступает барьером в формировании профессиональной идентичности.

Также на формирование профессиональной идентичности влияет и организационная культура учреждения образования. Доказано, что организационно-культурные условия определяют первые профессиональные интересы и ценности, поэтому важно рассматривать организационную культуру в качестве важного социально-психологического фактора формирования профессиональной идентичности. В элитных учебных заведениях преобладает деловой компонент организационной культуры, направленный на «результат». В школах с сильной ориентацией на решение внутренних проблем массовый характер приобретает коммуникативная и дисциплинарная составляющие

профессиональной идентичности. Коллективные субъекты эклектической и инновационной организационной культуры с сильным деловым компонентом на когнитивно-аффективно-поведенческом уровне отождествляет себя с исполнителем расширенного спектра ролей («коммуникатор», «реализатор», «координатор»), а идентификации с «аналитиками», «исследователями ресурсов» и «генераторами идей» выступают в качестве поддерживающих основную идентичность компетенций. В эклектических и деловых организациях чаще, чем в результативно-кланово-иерархических встречаются профессионалы наиболее близкие к эталону профессионально-ролевых комплексов [2].

Данная работа очерчивает лишь некоторые проблемы и перспективы исследования формирования профессиональной идентичности (этапы становления, функции) и лишь часть факторов, которые влияют на становление профессиональной идентичности. Так, необходимо уделить особое внимание факторам формирования профессиональной идентичности с целью грамотной работы учреждений образования, которые готовят специалистов к выходу на рынок труда. На наш взгляд, в условиях стремительно меняющейся современной действительности очень важно анализировать личностный компонент специалистов, в том числе их профессиональную идентичность для налаживания связи между образованием и реальной практической деятельностью.

Библиографические ссылки

1. Черепкова, Н. В. Исследование конституционально-типологической личностной изменчивости в отечественной и зарубежной психологии / Н. В. Черепкова // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 6. – С. 83–188.
2. Озерина, А. А. Профессиональная идентичность студентов бакалавриата : автореф. дис. ... канд. псих. наук : 19.00.07 / А. А. Озерина ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2012. – 22 с.
3. Родичкина, И. И. Особенности профессиональной идентичности студентов-психологов / И. И. Родичкина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 116–123.
4. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово. : Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
5. Нор-Аревян, О. А. Факторы формирования профессиональной идентичности / О. А. Нор-Аревян, А. М. Шаповалова // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 5. – С. 102–113
6. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.
7. Super, D. E. The psychology of careers. N Y. : Harper & Brothers, 1957. – 187 p.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ

М. С. Ижаковская

Белорусский государственный университет, г. Минск;

malva.izhakovskaya@mail.ru;

*Научный руководитель – Красовская Наталья Николаевна,
кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой
социальной работы и реабилитологии*

В данной статье рассмотрена одна из проблем современного брака – стабильность, основой которой является удовлетворенность брачными отношениями. Она непосредственно связана с различными факторами, ситуациями и сферами жизни людей. Одним из таких является способ совладания со стрессом, индивидуальный для каждого человека. То, как ведет себя человек в стрессовой ситуации, непосредственно влияет на его отношения с окружающими, в частности, внутри семьи. Изучение таких аспектов является особенно актуальным сегодня, так как число разводов с каждым годом только увеличивается. Это оставляет свой отпечаток на всех сторонах жизни общества.

Ключевые слова: брак; семья; копинг-стратегии; удовлетворенность браком; стабильность брака.

Семья – это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной ответственностью. Это обусловлено социальной потребностью в воспроизведении человеческого рода, физического и духовного воссоздания общества.

Значительный интерес к изучению психологии семьи можно объяснить такими обстоятельствами, как: снижение демографических показателей в стране; преобразование педагогических задач и увеличение числа детей с поведением, отклоняющимся от нормы; деформация психологического, эмоционального, духовного мира современного человека, расширение его потребностей, которые также во многом формируются и удовлетворяются в семье.

В нашей стране уровень разводимости в последние годы достигает 50 % от общего числа заключенных браков [1]. Данный показатель свидетельствует о необходимости детального изучения семейно-брачных отношений, удовлетворенности браком, взаимосвязи удовлетворенности с различными факторами, в частности, такими как выбор супругами стратегий совладания со стрессом.

Стратегии совладания со стрессом (копинг-стратегии) представляют собой различные варианты действий, используемые человеком в ситуациях, которые угрожают его психологическому, социальному благополучию [2]. Изучение данного феномена делает реальной возможность их корректировки для достижения оптимизации семейных отношений.

На сегодняшний день понятие «копинг» включает в себя реакцию не только на кризисные события, но и на ежедневные стрессовые ситуации. Копинг вбирает в себя не только поведенческие, но и когнитивные усилия, используемые индивидом, чтобы справиться с требованиями в ситуациях взаимодействия человека и среды.

Р. Лазарус и С. Фолкман выделяют восемь основных копинг-стратегий: планирование решения проблемы, конфронтационный копинг, принятие ответственности, самоконтроль, положительная переоценка, поиск социальной поддержки, дистанцирование, бегство-избегание. Данные копинг-стратегии условно делятся на 2 группы: ориентированные на проблему и ориентированные на эмоции. Каждый человек использует все стратегии, но в разной степени. Использование данных стратегий определенным образом влияет на протекание семейной жизни и на степень удовлетворенности ею.

Долгое время считалось, что удовлетворенность браком – это основной показатель его качества. Удовлетворенность и стабильность брака рассматриваются через удовлетворение или неудовлетворение различных потребностей супругов. В настоящее время выделяют фундаментальные потребности супружества, то есть те, которые играют важнейшую основополагающую роль в устойчивости брака. Такими потребностями являются: потребность в эмоциональном тепле, в ощущении ценности и важности своей личности, потребность во взаимопомощи и взаимоподдержке [3]. Брак становится неустойчивым в том случае, когда происходит конфликт потребностей супругов, т.е. когда один из супругов является для другого препятствием в удовлетворении своих потребностей.

Вместе с тем, под стабильным понимается брак, в котором оба супруга удовлетворены совместной жизнью, а устойчивость брака – это сохранение его в противовес распаду, т.е. то, что чаще в литературе обозначается как стабильность.

С точки зрения системного подхода, поведение одного супруга оказывает существенное влияние на поведение другого. Таким образом, выбор супругами неэффективных копинг-стратегий взаимосвязан с

ухудшением отношений в семье, снижением уровня удовлетворенности браком. И наоборот, выбор эффективных стратегий помогает супругам справляться с трудностями, соответственно, повышает степень удовлетворенности браком и общего благополучия семьи. Исходя из вышесказанного, определена и актуальность исследования, целью которого стало выявление корреляции копинг-стратегий и удовлетворенности браком у супругов.

Объектом данного исследования стали копинг-стратегии супругов при разном уровне удовлетворенности браком. В качестве основного диагностического инструментария использовались: опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса [4], «Опросник удовлетворенности браком», разработанный В. В. Столиным, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко [5].

Всего исследованием было охвачено 80 человек (40 семейных пар), проживающих в городской среде, имеющих различный возраст, пол, семейное положение (женат/замужем). В их число вошли 40 женщин и 40 мужчин в возрасте от 22 лет до 50 лет.

В результате проведенного исследования были получены общие данные испытуемых по обоим методикам. Анализ данных показал, что большинство супругов, участвовавших в исследовании, удовлетворены своим браком и оценивают свою семью на уровне благополучной и абсолютно благополучной. При этом равное количество респондентов оценивают свой брак на высоком уровне (по 32 человека в группе женщин и в группе мужчин). Супруги с низкими показателями по уровню удовлетворенности встречаются значительно реже, что является хорошим показателем.

Также были получены результаты по исследованию копинг-стратегий. Более распространенными среди респондентов являются такие копинг-стратегии как: дистанцирование, бегство, конфронтация и поиск решения проблемы. Менее распространенные: положительная переоценка, самоконтроль, принятие ответственности и поиск социальной поддержки. Это свидетельствует о том, что значительная доля респондентов относительно часто используют способы, не приводящие к решению проблемы, а направленные на отрицание проблемы и психологическую защиту.

Далее был проведен корреляционный анализ копинг-стратегий и уровня удовлетворенности браком. Значимые показатели были получены во взаимосвязи копинг-стратегии дистанцирование и бегство с уровнем

удовлетворенности браком ниже среднего. Это говорит о том, что люди, прибегающие к данным видам совладающего поведения, менее удовлетворены своим браком и оценивают семью как неблагополучную и абсолютно неблагополучную.

Кроме того, значимый показатель был получен во взаимосвязи копинга положительная переоценка с удовлетворенностью браком выше среднего. Это свидетельствует о том, что люди, отдающие предпочтение и часто использующие такой вид копинга, более удовлетворены своей семейной жизнью и оценивают ее благополучие на высоком уровне.

Также был проведен анализ гендерных различий взаимосвязи копинг-стратегий и удовлетворенности браком у супругов. У мужчин выявлена умеренная обратная взаимосвязь между удовлетворенностью браком и дистанцированием, умеренная обратная взаимосвязь между удовлетворенностью браком и бегством и умеренная прямая взаимосвязь между удовлетворенностью браком и положительной переоценкой. У женщин – умеренная обратная взаимосвязь между удовлетворенностью браком и бегством.

В дополнение к вышесказанному, было обнаружено различие в частоте использования таких способов совладания как поиск социальной поддержки и положительная переоценка. Женщинами такие копинги используются в большей степени, чем мужчинами. Для мужчин в основном характерна позиция «есть проблема – есть решение», в то время как для женщин важно всяческое переосмысление проблемы, детальный ее анализ и поиск позитивных моментов. В определенных случаях такая позиция женщин также является продуктивной.

В одном случае они имеют шанс получить стороннюю помощь от третьих лиц, которая может быть не только материальной, но и психологической. В другом случае положительной переоценки есть шанс переосмысления проблемы, осознания ее важности, нахождения позитивных сторон настоящей ситуации, что в последствие может привести к решению проблемы.

Полученные в данной исследовательской работе теоретические и практические результаты могут быть использованы специалистами-практиками в семейной психотерапии и консультировании, в организации и проведении тренинговых и коррекционных занятий с супругами с целью повышения удовлетворенности брачными отношениями на различных этапах семейной жизни и обучения супругов оптимальным вариантам выхода из конфликтных и проблемных ситуаций.

Библиографические ссылки

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа к ресурсу: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/estestvennoe-dvizhenie-naseleniya/>. Дата доступа: 23.01.2019 г.
2. *Рассказова, Е. И.* Копинг–стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, Е. Н. Осин // Психология. – 2013. -№ 1. – С. 82–118.
3. *Андреева, Т. В.* Потребности женщин и мужчин в брачно-семейных отношениях / Т. В. Андреева, Т. Ю. Пипченко // Психолого-педагогический поиск: проблемы и достижения: Материалы 3-й межвуз. научн. конф.– СПб., 2009. – С. 101–109.
4. *Крюкова, Т. Л.* Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93–112.
5. *Карелин, А. А.* Тест-опросник удовлетворенности браком / А. А. Карелин // Большая энциклопедия психологических тестов. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 316–318.

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВЫХ ПАТТЕРНОВ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. Г. Измер

Белорусский государственный, г. Минск;

izmeralisa@gmail.com;

Научный руководитель – Ксенда Ольга Григорьевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

В статье описывается категория речевых паттернов манипуляции, излагаются основные результаты ее теоретического анализа. Обосновывается практическая значимость предлагаемой категории, описываются возможности дальнейшего изучения и поиска речевых паттернов и очерчиваются возможности последующих исследований.

Ключевые слова: речевые паттерны; речевые паттерны манипулятивного поведения; вербальные манипуляции.

Манипулятивное воздействие как процесс всегда имеет два действующих лица: манипулятора, которого принято называть актором, а также реципиента – человека или группу людей, выступающих в роли объекта, на который направлено воздействие.

Манипуляции присуща сокрытость от взора реципиента. Эта характеристика, как пишет Е. Л. Доценко [1], во многом и обуславливает успешность вышеописанного типа воздействия. Там, где начинается осознание адресатом своей персоны как объекта манипуляции, когда намерения и методы актора становятся ему ясны, манипуляция исчезает и появляется недоверие к актору. Необходимость держать адресата в неведении относительно самого факта осуществления воздействия побуждает манипуляторов постоянно видоизменять и совершенствовать свои приемы.

Манипуляции вариативны и изменчивы, из-за чего выявить их как в повседневной жизни, так и в профессиональных или научных целях, опираясь лишь на частные примеры, или на знание механизмов манипулятивного воздействия, непросто. Соответственно, требуется усовершенствование процедур их выявления.

Для выявления вербальных манипуляций имеет смысл анализ речевых паттернов манипулятивного поведения. Данная категория позволяет избежать многообразия обозначений, применяемых исследователями манипулятивного воздействия в попытке обобщить частные случаи. Тем не

менее, фокус подобных обозначений (уловки [2], механизмы [1], приемы [3]) излишне смещен на конкретные примеры и результаты воздействия, но все они могут быть объединены при помощи предложенной нами категории призванной выделить сами алгоритмы, схемы, по которым создаются манипулятивные высказывания.

При рассмотрении речевых паттернов манипулятивного поведения основному анализу подвергаются конкретные формы языковых воздействий. Они представляют собой некоторый алгоритм, набор элементарных правил, с помощью которого формируется высказывание или их группа и производится та или иная конкретная речевая манипуляция.

Таким образом, речевые паттерны манипулятивного поведения – это набор элементарных правил, речевых действий, алгоритм по созданию манипулятивного высказывания.

Речевые паттерны манипулятивного поведения можно разбить на три группы по специфике умышленно, а иногда непреднамеренно допущенных ошибок: стилистические, лингвистические и логические ошибки. В данной статье будут описаны две из них – группа речевых паттернов, построенная на стилистических ошибках, и группа, основанная на логических ошибках.

К группе стилистических ошибок принадлежат паттерны, основанные на использовании словосочетаний и выражений, способных оказать необходимое психологическое влияние. Сюда входит подгруппа речевых паттернов в совокупности называемых апелляция к авторитету: придание высказыванию значимости или, напротив, его обесценивание посредством изменения его авторства с принадлежащего манипулятору на приписывание его известным личностям или абстрактным «специалистам» и прочим схожим, большинству, а также традициям. При этом установить подлинность утверждаемого сложно или невозможно. Кроме того, для данных методов характерна «селекция информации».

Апелляция к авторитету, кроме прочего, снимает с говорящего часть ответственности. Такой же цели служит описанная А. А. Даниловой [4] пассивизация предиката – использование безличных, неопределенно личных предложений и пассивного залога для деавторизации информации.

К той же группе стилистических ошибок в равной мере относятся: прием создания комплексной эквивалентности, цель которой при помощи определенного подбора и постановки слов в сообщении выдать гипотетическое за доказанное, и использование категории «свой-чужой» для генерации и срабатывания оппозиций, которые, как пишет

Н. И. Клушина [5], включают в себя слова, близкие по значению, но резко противоположные по вызываемому ими «стилистическому впечатлению». Такое столкновение «своего» и «чужого» не является номинативно необходимым. Это психологически обусловленное стремление отграничить близкие сущности», сыграв на котором, можно целиком изменить отношение к представляемому.

К группе, основанной на логических ошибках, принадлежат следующие паттерны: ассоциативная ошибка, ошибка «недостаточного внимания», подмена тезиса, ложная аналогия и ошибка «замкнутого круга» [6].

Это только часть из выявленных речевых паттернов манипулятивного поведения, поэтому заканчивать на этом работу по их вычленению и описанию нецелесообразно, так как, безусловно, существуют пока еще не выявленные паттерны, которые тем не менее активно используются не только в русском языке, но и в ряде прочих. Так как речевые паттерны по своей структуре представляют лишь шаблон, набор правил, в дальнейшем заполняемый словами, то можно предположить, что они покажут себя не только в русском языке, но и в английском, разумеется, с внесением поправок на его специфику. В особенности это предположение относится к группе речевых паттернов, основанных на логических ошибках, так как правила логики объективны, универсальны для всех языков, как математика.

Исследование речевых паттернов возможно проводить при помощи контент-анализа, например, стенограмм заседания по внесению поправок в конституцию Российской Федерации и освещения данного события Российским агентством международной информации (РИА новости), интернет-изданием Медуза (Meduza) и британским общественным информационным телеканалом би-би-си ньюз (BBC-news, новостное подразделение Британской вещательной корпорации). Подобный выбор материала для исследования обусловлен спецификой канала передачи информации, существенно ограничивающим возможности использования методов невербального манипулятивного воздействия. Соответственно при выявлении речевых паттернов манипуляции можно будет с большей точностью представить их процент относительно прочего текста.

Дальнейшая работа по изучению речевых паттернов позволит продвинуться в анализе текстов, написании компьютерных программ для анализа текстов, вместе с тем повышая логическую и психологическую культуру общества.

Библиографические ссылки

1. *Доценко, Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб. : Речь, 2003. 293 с.
2. *Шейнов, В. П.* Психология манипулирования. Минск : Харвест, 2009. 704 с.
3. *Кара-Мурза, С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2017. 464 с.
4. *Данилова, А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. М. : Добросвет, 2011. 232 с.
5. *Клушина, Н. И.* Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – М. : МедиаМир, 2008. – 244 с.
6. *Измер, А. Г.* Речевые паттерны манипулятивного поведения / А. Г. Измер // Человек. Культура. Общество : материалы 16-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, посвященной 75-летию освобождения Беларуси и 30-летию факультета философии и социальных наук, 25 апреля 2019 г., Минск / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – 113 с. : ил. – Библиогр. в тексте.

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА «НЕВИДИМКА»

А. А. Кашевар

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Alena.kashevar@mail.ru;

*Научный руководитель – Воронович Дарья Викторовна,
старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии*

В статье раскрывается проблема повышенной аварийности в темное время суток по вине пешеходов в Республике Беларусь, которую решает проект. Чтобы решить данную проблему, в статье предлагается создание такой услуги, как нанесение световозвращающего изображения потребителю по его запросу (размер, форма, цвет изображения, само изображение) с помощью специального пресса и материала на любой элемент его гардероба. Планируется, что данный проект значительно снизит количество аварий в темное время суток по вине пешеходов.

Ключевые слова: проект; световозвращающий элемент; обозначения; ДТП; маркетинговое исследование; РМВОК.

По статистике Министерства внутренних дел Республики Беларусь, наезд на пешехода – самый распространенный вид ДТП [1; 2]. Основная доля наездов со смертельным исходом приходится на темное время суток. Из-за повышенной аварийности в темное время суток по вине пешеходов были придуманы и введены световозвращающие элементы. Световозвращающий элемент является важным элементом пассивной безопасности пешехода и снижает риск наезда на пешехода в темное время суток в 6,5 раз.

Фликеры – это комбинированные микропризматические световозвращатели (светоотражение – более 80 %) в виде значков, подвесок, термонаклеек на одежду и наклеек на металл. Фликеры изготавливаются по специальной технологии из мягкого пластика ярких цветов, эти привлекательные на вид изделия крепятся на одежду, сумки или рюкзаки с помощью булавки или шнурка, входящего в комплект. А термонаклейки легко крепятся на ткань с помощью утюга.

В рамках данной проблематики было проведено исследование с помощью анкеты, направленное на изучение факта ношения фликеров среди студентов. Исследовались студенты 1-3 курсов специальности социальная работа и социальное проектирование в количестве 50 человек. В рамках исследования было выявлено, что 50 % опрошенных вообще не носят фликеры, 30 % носят их иногда и лишь 20 % носят их всегда. При

этом 78 % испытуемых никогда не получали штраф за ношение фликера, 4 % испытуемых получали штраф, а у 14 % испытуемых штраф получали знакомые. Несмотря на полученные результаты, 66 % испытуемых считают полезным обозначить себя в темное время суток. Также 26 % испытуемых придерживаются нейтральной точки зрения и 8 % – не считают это важным и полезным.

Поэтому, исходя из актуальности проблемы, было предложено решение в виде проекта «НЕВИДИМКА». Суть данного проекта в том, что потребителю по его запросу (размер, форма, цвет изображения, само изображение) с помощью специального пресса и материала на любой элемент его гардероба будет нанесено световозвращающее изображение. Как это будет выглядеть, можно увидеть на рисунке 1.

Рисунок 1 – Пример световозвращающих изображений

В рамках проведенного маркетингового исследования тех же студентов, было установлено, что 64 % опрошенных хотели бы иметь данные изображения, 22 % не изъявили желания иметь такие изображения, а для 14 % опрошенных достаточно и фликера.

Разработка проекта проводилась в соответствии с классической моделью разделения процессов по областям знаний международного стандарта РМВОК 5 – Руководства к своду знаний по управлению проектами [3], созданного Институтом управления Проектами (PMI) [4].

Для своевременного выполнения задач проекта были обозначены сроки проекта [3, с. 141–192], последовательность и длительность исполнения мероприятий [5]. Выполнение задач проекта осуществляется в

пятидневную рабочую неделю и восьмичасовой рабочий день, кроме выходных дней и праздников, что описано в программном обеспечении ProjectLibre.

Для реализации проекта предлагается рассмотреть четырехфазную модель жизненного цикла проекта, состоящую из инициации, планирования, реализации и завершения проекта [3, с. 105–140].

Задачи на фазе инициации планируется выполнить за 13 рабочих дней и не позднее 23 октября 2019 года. Задачи на фазе планирования планируется выполнить за 6 рабочих дней, начиная с 24 октября 2019 года и заканчивая не позднее 31 октября 2019 года. 1 ноября 2019 года начинается фаза реализации проекта, предполагаемая продолжительность которой 36 рабочих дней. Данная фаза должна быть завершена не позднее 20 декабря 2019 года. Фаза завершения представляет собой полноценный запуск пилотной продукции проекта, которая начинается 23 декабря 2019 года и продолжается 2 рабочих дня.

Основная цель управления ресурсами – это обеспечение их оптимального использования для достижения запланированных результатов [6].

Для организации проекта «НЕВИДИМКА» необходимы следующие материалы:

- материал 1 рулон;
- оборудование (пресс);
- Футболка (30 штук);
- помещение 30 м² (ТЦ Силуэт);
- ноутбук.

Обозначенные ресурсы будут приобретены на фазе реализации, а их использование будет происходить как на фазе реализации проекта, так и в дальнейшей деятельности организации.

Заинтересованные стороны проекта – люди, группы и организации, которые могут оказывать или на которых может оказывать воздействие проект [3, с. 391–416]. Суть данного процесса также состоит в анализе и документировании значимой информации относительно их интересов, вовлеченности, взаимозависимостей, влияния и потенциального воздействия на успех проекта. Основная выгода данного процесса состоит в том, что он позволяет руководителю проекта определять соответствующий фокус для каждой заинтересованной стороны или группы заинтересованных сторон [7].

В результате анализа были выявлены следующие заинтересованные стороны: государство; родители детей; взрослые; молодежь; команда проекта; ГАИ; учреждения образования; изготовители световозвращающих элементов; спонсоры; Министерство здравоохранения.

Управление стоимостью проекта включает в себя процессы, необходимые для планирования [3, с.193–226], оценки, разработки бюджета, привлечения финансирования, финансирование, управление и контроль стоимости [8], обеспечивающие исполнение проекта в рамках одобренного бюджета (таблица 1).

Таблица 1. Бюджет проекта

Доходная часть		Расходная часть	
Статьи дохода	Сумма	Статьи расхода	Сумма
Продукция (около 150 штук)	1200 руб.	Материал 1 рулон	13 руб.
		Оборудование (пресс)	1000 руб.
		Аренда помещения 30 м ² (ТЦ Силуэт)	1260 руб.
		Открытие ИП	102 руб.
		Реклама в инстаграме (охват 100 тыс. человек)	50 руб.
		Футболка (30 штук)	180 руб.
		Дизайнер (1 месяц)	600 руб.
		Продавец-исполнитель	600 руб.
		Ноутбук	900 руб.
Общий доход	1200 руб.	Общий расход	4705 руб.

Необходимую сумму можно получить, участвуя в различных конкурсах и программах, где разыгрываются гранты или искать спонсоров, готовых профинансировать проект.

Также, одним из вариантов обеспечения финансирования является краудфандинг.

Краудфандинг – это инструмент коллективного финансирования проектов и инициатив. В «краудфандинге» большое количество людей поддерживает интересующий их проект малыми или большими суммами, получая взамен результаты от реализации профинансированного проекта [9].

Управление рисками проекта включает в себя процессы, связанные с осуществлением планирования управления рисками, идентификацией, анализом, планированием реагирования, а также с контролем рисков в проекте [3, с. 309–354]. Целями управления рисками проекта являются

повышение вероятности возникновения и усиление воздействия благоприятных событий, а также снижение вероятности возникновения и ослабление воздействия неблагоприятных событий в ходе реализации [10].

Для того, чтобы идентифицировать риски в проекте, был проведен SWOT– анализ (таблица 2).

Таблица 2. SWOT-анализ

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
<ul style="list-style-type: none"> • Широкий ассортимент продукции • Удовлетворенность индивидуальных запросов • Низкая стоимость • Быстрая окупаемость проекта • Незначительная конкуренция • Большой объем производимого товара на небольшой площади территории 	<ul style="list-style-type: none"> • Срывы по срокам изготовления продукции • Изменение качества продукта из-за стирки • Слабо сформированный имидж организации • Ограниченность собственных средств
ВОЗМОЖНОСТИ	УГРОЗЫ
<ul style="list-style-type: none"> • Изменение законодательства в социальной сфере • Расширение организации, открытие филиалов • Добавление сопутствующих продуктов и услуг • Ассортимент продукции • Возможность широкого охвата рынка 	<ul style="list-style-type: none"> • Снижение платежеспособности населения • Риск случайной гибели товара • Таможенные пошлины • Перевозка продукции • Низкий спрос на товар • Конкуренция • Банкротство • Запрет со стороны государства

Для снижения вероятности возникновения рисков, были предложены антирисковые мероприятия, представленные в таблице 3.

Таблица 3. Антирисковые мероприятия

Риски	Пути преодоления
- отсутствие спроса	- активная рекламная деятельность
- поломка оборудования	- надежные и качественные поставщики
- пожар на производстве	- соблюдение техники безопасности - установление пожароизвещателей
- быстрая стираемость изображения	- надежные и качественные поставщики
- брак материалов	- надежные и качественные поставщики
- изображение тускло светит в темноте	- надежные и качественные поставщики
- запрет со стороны государства на реализацию проекта	- обоснование важности и нужности проекта, предложить пилотную версию продукта
- маленького размера обозначения, которые плохо видно	- агитировать клиентов наносить изображения

Заккрытие проекта или фазы – это процесс завершения всех операций, всех групп процессов управления проектом в целях формального

завершения проекта или фазы. Ключевая выгода данного процесса состоит в предоставлении извлеченных уроков, формальном завершении работ проекта и высвобождении ресурсов организации для участия в новых начинаниях [11].

Записи и документы проекта (план управления проектом, содержание, расписание и календари проекта [21]), полученная информация по проблемам и рискам, документация по закрытию проекта, информация о результатах и выполнении предыдущих проектов, данные по успешно примененным методам и информация об извлеченных уроках будут храниться в базе накопленных знаний для использования в будущих проектах и деятельности организации.

В дальнейшем, для увеличения прибыли проекта и более быстрой окупаемости, планируется сотрудничество со школами (дирекция и родители), клубами (официанты, бармены и охранники), фанклубами, спортсменами, мотоциклистами и другими, заинтересованными лицами в данном проекте.

Библиографические ссылки

1. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. О МЕРАХ ПО ПОВЫШЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСИ, 28 НОЯБРЯ 2005 Г., №551. – Минск, 2005. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.01.2006.
2. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 25.01.2006.
3. Руководство к Своду знаний по управлению проектами : (руководство РМВОК) / ProjectManagementInstitute . – 5-е изд. – М. : Олимп-Бизнес. 2014.
- Интернет-портал Российской Федерации [Электронный ресурс] / Бизнес-школа «CityBusinessSchool», 2008-2017. – Режим доступа : <https://m.e-mba.ru>. – Дата доступа : 10.06. 2018.
4. *Илларионов, А. В.* Портфель проектов. Инструмент стратегического управления предприятием. / А. В. Илларионов, Э. Ю. Клименко – М. : Альпина Паблишер, 2013. – 312 с.
5. *Ивасенко, А. Г.* Управление проектами / А. Г. Ивасенко, Я. И. Никонова, М. В. Каркавин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 327 с.
6. Бэгьюли, Ф. Управление проектом : пер. с англ. / Ф. Бэгьюли. – М. : Гранд ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 202 с.
7. *Мартин, П.* Управление проектами : пер. с англ. / П. Мартин, К. Тейт. – СПб. : Питер, 2006. – 224 с.
8. Улей // Официальный сайт проекта «Улей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ulej.by>. – Дата доступа : 20.05.2018.
9. *Юрлов, Ф. Ф.* Стратегическое планирование научнопроизводственных объединений с использованием SWOT-анализа / Ф. Ф. Юрлов, А. Ф. Плеханова, К. И. Колесов /

10. Социально-экономические проблемы оборонно-промышленного комплекса: история, реальность, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 12-14 июля г. Москва. – М.: МГЛУ, 2013. – С. 19–28.
11. *Бушуев, С. Д.* Управление проектами : основы профессиональных знаний и система организации компетентности проектных менеджеров (NationalCompetenceBaseline, NCB UA Version 3.1) / С. Д. Бушуев, Н. С. Бушуева – ІРІДІУМ, 2010. – 312 с.

**СУАДНОСІНЫ ВЫЗНАЧЭННЯ ДАБРА
І ЯГО ДЭФІНІЦЫІ ПАВОДЛЕ ЭТЫЧНЫХ ВУЧЭННЯЎ
ДЖ. Э. МУРА І УЛ. С. САЛАЎЁВА**

Я. С. Кунцэвіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск;

jauhienkuncevicz@tut.by;

Навуковы кіраўнік – Беяева Алена Валер’еўна,

кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі

культуры

У артыкуле на падставе збліжэння этычных вучэнняў Дж. Э. Мура і Ул. С. Салаўёва абгрунтоўваецца мажлівасць неабходнасць пазнання добра і яго вызначэння, а таксама не-неабходнасць яго фармальна-лагічнай дэфініцыі. Паказваецца, што абодвух філосафаў аб’ядноўвае вызначэнне добра праз яго адмежаванне ад гетэрагенных аб’ектаў, паслядоўнае разгортванне яго зместаў і працэс указання на «добрае», у выніку чаго магчыма выявіць існасць добра самога па сабе ў індывідуальным акце ўразумення, які прынцыпова не замяшчаецца актамі чужой свядомасці. Беспасярэдняе веданне добра як такога адкрывае мажлівасць далейшага рацыянальнага абгрунтавання маральнай дзейнасці і сэнсу чалавечага жыцця.

Ключавыя словы: пазнанне добра; дэфініцыя добра; вызначэнне добра; індывідуальны акт уразумення; маральная свядомасць; маральная дзейнасць.

Адна з асноўных задачаў этыкі – абгрунтаваць для чалавека, якія яго дзеянні добрыя або правільныя, а таксама сцвердзіць сэнс жыцця, які, па сутнасці, і заключаецца ў ажыццяўленні такой дзейнасці. З улікам таго, што дзейнічаць маральна – значыць мець добрыя матывы і імкнуцца да найлепшых з мажлівых наступстваў, найперш неабходна адказаць на пытанне, што такое дабро само па сабе. Адпаведна, праблема пазнання добра фундаментальная як у тэарэтычным, так і ў нарматыўным планах. Звычайна вынікам пазнання пэўнага аб’екту аказваецца яго дэфініцыя, якая дазваляе вылучаць аб’ект сярод іншых. У класічнай этыцы не было недахопу ў фармулёўках, якія раскрывалі сэнс добра як галоўнага маральнага паняцця. Між тым, на мяжы XIX–XX стагоддзяў праблема дэфініцыі добра і праблема яго вызначэння перастаюць атаясамлівацца, што можна прасачыць на прыкладзе этычных вучэнняў двух філосафаў гэтага перыяду – Дж. Э. Мура і Ул. С. Салаўёва. Метадалагічны індывідуалізм некласічных этычных вучэнняў арыентаваў чалавека на тое, каб быць самастойным у маральным плане, скіроўвацца ад несвядомага жыцця да свядома выбранага. Такая ўстаноўка асабліва важная ў сучаснай

сітуацыі маральна-каштоўнаснай няўстойлівасці ды рэлятывізму, бо дазваляе, нягледзячы на адсутнасць універсальнай дэфініцыі добра, ажыццяўляць яго вызначэнне і такім чынам пазнаваць мараль. У сувязі з гэтым, мэта дадзенага артыкулу – даказаць неабходнасць вызначэння добра і не-неабходнасць яго дэфініцыі для пазнання добра і для адпаведнай арыентацыі маральнай дзейнасці на падставе атрыманых ведаў.

Адрозненне паміж дэфініцыяй і вызначэннем мэтазгодна праводзіць наступным чынам. Дэфініцыя – гэта фармальна-лагічная аперацыя, якая раскрывае змест тэрміну (намінальная дэфініцыя) або прадмету (рэальная дэфініцыя), а таксама выказванне, якое з’яўляецца вынікам гэтай аперацыі. Вызначэнне ж у філасофскім сэнсе – гэта разгорнутае тлумачэнне зместаўці сутнасці з’явы, скіраванае на як мага больш поўнае яе праясненне для чалавека з тым, каб даць яму магчымасць свядома мець справу з ёй. У гэтым плане «Апраўданне добра» Ул. С. Салаўёва і «Principia Ethica» Дж. Э. Мура – гэта два вызначэнні добра.

Намінальная дэфініцыя добра мажлівая, паколькі прырода добра як прадмету не ўплывае на магчымасць тлумачэння самога слова. Але і Дж. Мур (адкрыта), і Ул. Салаўёў (імпліцытна) адмаўляюць магчымасць даць менавіта рэальную дэфініцыю добра, г. зн. дэфініцыю добра як прадмету, а не як тэрміну. Крытыкуючы папярэднія этычныя вучэнні, якія спрабавалі даць дэфініцыю добра (геданізм, эўдэманізм, эвалюцыйная этыка, «метафізічная этыка»), Дж. Мур выяўляе ў іх аргументацыі натуралістычную памылку: дэфініенс і дэфініендум дэфініцыі праз прастату і ўнікальнасць добра як прадмету ніякім чынам не могуць атрымацца роўнааб’ёмнымі, а, значыць, атаясамліваць дабро з нейкім вонкавым яму аб’ектам незаконна ў любым выпадку. Іншымі словамі, калі пастулюецца існаванне добра як аб’екту свету, рэальная дэфініцыя яго робіцца немагчымай. Падобным чынам сцвярджае Ул. Салаўёва пра прастату ды адзінасць Добра, відавочна, выключае яго рэальную дэфініцыю.

Сцвярджае Дж. Мура пра немагчымасць даць дэфініцыю добра можна разглядаць як метадалагічны прыём, які дазваляе пазбегнуць у разважаннях лагічна незаконнага атаясамлівання добра з іншымі аб’ектамі свету і іншых магчымых неадкладнасцей. Аднак Дж. Мур ні ў якім разе не адмаўляў саму магчымасць знайсці рысы, уласцівыя ўсім добрым з’явам, і на іх падставе даць дэфініцыю добра. Але гэтаму мусіць папярэднічаць разгорнутае даследаванне добра – яго вызначэнне, прытым што праблема дэфініцыі падчас гэтага даследавання мусіць быць адкладзена.

Каб разглядзець дабро само па сабе, Дж. Мур у раздзеле «Ідэал» «Principia Ethica» падрабязна даследуе пэўныя складаныя аб'екты з уласцівасцямі, нязводнымі да ўласцівасцей іх частак – арганічныя цэласці, якія можна назваць добрымі, для таго каб высветліць, што сапраўды агульнага ёсць ва ўсіх добрых рэчаў. Высветляецца, што ўсе прадметы, якія ёсць дабром самі па сабе, па-першае, з'яўляюцца ў найвышэйшай ступені складанымі арганічнымі цэласцямі, элементы якіх, па-другое, маюць невялікую ўнутраную каштоўнасць, або не маюць яе зусім. Па-трэцяе, кожная такая цэласць змяшчае ў сабе ўсведамленне адпаведнага прадмету, а большыня з іх, па-чацвёртае, яшчэ і эмацыйнае стаўленне да яго [1, с. 221]. Дж. Мур лічыць, што такім чынам ён паказаў шлях да дэфініцыі, г. зн. зрабіў асноўную работу, і, падобна да Канта, спадзяецца, што наступныя даследчыкі скончаць пачатае.

Аднак разам з паслядоўным індукцыйным вывучэннем арганічных цэласцяў і іхных класаў, якое, на думку Дж. Мура, можа прывесці да дэфініцыі дабра, магчымы і іншы падыход да праблемы. Якасці, якімі добрыя арганічныя цэласці адрозніваюцца адна ад адной, таксама важныя для іх унутранай каштоўнасці. Канкрэтныя зместы маральных учынкаў могуць сур'ёзна адрознівацца адзін ад аднаго, што, аднак, не адмаўляе маральнасці кожнага з іх, якая пазнаецца беспасярэдне нават у тых выпадках, калі не адпавядае маралі пазнавальніка. Фіксацыя адрозненняў адной маралі ад іншай маралі можа ў пазнавальным сэнсе аказацца не менш карыснай за індукцыйнае збіранне падабенстваў.

Развіваючы ідэі Ул. Салаўёва і Дж. Мура, можна сцвердзіць не толькі тэорэтычную немагчымасць (метадалагічнае адмаўленне), але і практычную не-неабходнасць дэфініцыі дабра. Для таго, каб дзейнічаць правільна, трэба ведаць дабро, а не фармуляваць яго строгую дэфініцыю. Тут можна пагадзіцца са сцвярджаннем Дж. Мура пра тое, што існуюць такія рэчы, якія чалавек сапраўды ведае, хаця не можа іх даказаць, зразумець паходжанне сваіх ведаў, выразна адмежаваць ад іншых аб'ектаў ведаў і г. д. У якасці выразна сфармуляванага першага прынцыпу ўсякай маральнасці (і, адпаведна, этычнага вучэння), можа выступіць зацвярджанне самастойнасці ўсякага маральнага мыслення. Крыніцай ведання дабра з'яўляюцца індывідуальныя акты “уразумення” яго, якія ніяк не могуць быць замешчаныя выведзенай актамі чужой свядомасці дэфініцыяй, надрукаванай у кнізе. Пагатоў дэфініцыя дабра не можа быць закладзена ў падмурак канкрэтнай маральнай арыентацыі чалавека ў свеце, якую ён мусіць выпрацаваць для сябе сам, бо такая дэфініцыя можа

падмяніць сабой асабістае намаганне ведаць дабро, стварыць ілюзію яго зразумеласці, у той час як у наяўнасці ёсць толькі моўны сказ.

“Узбраенне” дэфініцыяй дабра можа быць нашмат болей шкодным, чым яе адсутнасць, якую ніхто не заўважае праз тое, што маральная свядомасць функцыянуе беспасярэдне, яна не апасродкавана дэфініцыямі, і, тым болей, калі яна выносіць суджэнне, то не супастаўляе наяўную падзею з папярэдне выведзенай лагічнай дэфініцыяй. Прызнанне немагчымасці дэфініцыі дабра было заклікана, у тым ліку, абараніць маральную свядомасць ад фальшывых меркаванняў кшталту «дабро – гэта задавальненне». Гэта ў сваю чаргу азначае, што перад любым учынкам маральнае разважанне пачынаецца са штораз новага высвятлення, ці можа нешта быць дабром само па сабе, г. зн. безумоўнай мэтай учынка, якая апраўдае сама сябе і прыводзіць да найлепшых наступстваў.

Наяўнасць гатовай дэфініцыі дабра знішчае самастойнасць маральнага думання, бо суб’ект, замест таго каб вызначаць самога сябе да дзеяння, суадносіцца з загадзя сфармуляванай дэфініцыяй. Дэфініцыя дабра можа быць у такім разе фактарам парушэння аўтаноміі суб’екта маралі.

Для маральнай рэгуляцыі дзейнасці замест дэфініцыі неабходныя множныя вызначэнні дабра, якія ўтрымліваюць у сабе ўказанні на добрае і адмаўленні яго незаконных атаясамліванняў з чымсьці іншым. Узоры такіх вызначэнняў ёсць ў «Principia Ethica» і ў «Апраўданні дабра». Пазнанне дабра адбываецца дваяка: на падставе яго вызначэнняў і на падставе беспасярэдняга сутыкнення з добрым. Работа з вызначэннямі і рэальнымі праявамі дабра дае досвед яго ведання, які, у якасці акту, можа ўзнавіцца у іншых канкрэтных падзеях.

Маральнае пазнанне трымаецца не на выяўленні таго, што трэба рабіць, з таго, што ёсць. У маральным разважанні магчымыя довады кшталту “няхай усе робяць так, але я ведаю, што гэта няправільна, і буду рабіць інакш”. З існага сацыяльнага парадку такія сцвярджэнні вывесці немагчыма. У якасці іх крыніцы ва Ул. Салаўёва выступае сумленне, якое беспасярэдне фіксуе простыя факты наяўнасці няправільнага і адсутнасці правільнага. Дж. Мур у адпаведных выпадках кажа пра інтуіцыю, з дапамогай якой “угледжваецца”, што пэўны аб’ект мае або не мае каштоўнасці сам па сабе або як сродак. У выніку несупадзення існага і належнага ўзнікае абавязак, ніякім станоўчым чынам не звязаны з прыродай аб’ектыўнай рэальнасці і супрацьлеглы ёй, што яшчэ раз паказвае неабходнасць самастойнасці для маральнага думання. Нават калі маральная дзейнасць зарыентавана ў адпаведнасці з рэчаіснасцю і не

супярэчыць ёй, гэтай арыентацыі, каб дзейнасць была сапраўды маральнай, мусіць папярэднічаць пазнанне, уразуменне рэчаіснасці як добрай і вартай узнаўлення, г. зн. сапраўды маральная дзейнасць у любым выпадку будзе заснаваная на самастойным думанні і індывідуальным разуменні.

Аднак недастаткова патлумачыць узнікненне абавязку адмоўным фактам несупадзення існага і належнага, які завяршаецца самаабавязаннем да належнага, або фактам супадзення існага і належнага, які завяршаецца ўразуменнем абавязку прытрымлівацца існага, бо яно і ёсць належнае. Трэба адказаць на пытанне, чаму існуе несупадзенне ці супадзенне або, што тое ж самае, чаму магчымае самаабавязанне. Магчымасць самаабавязання абумоўлена прысутнасцю ў маральнай свядомасці беспасярэдняга ведання добра, змест якога паказвае, што так, як ёсць, нядобра або добра, а значыць, трэба зрабіць лепей або таксама.

Савецкі этык А. Р. Драбніцкі заўважаў: «Мараль – гэта тое самае “паняцце”, разуменне чалавекам сваёй рэчаіснасці, якое ўключае не толькі факты наяўнай сітуацыі, але таксама і тэндэнцыі, магчымасці і перспектывы, альтэрнатывы і праблемы яе развіцця, у тым ліку сэнс і значэнне гісторыі для чалавека» [3, с. 428]. Гэта значыць, што маральнасць – таксама веды, і такія веды, якія вызначаюць рэчаіснасць чалавека, а не проста фіксуюць факты з яе. Мараль не апісальніца, а стваральніца чалавечага быцця. Веданне добра, такім чынам, – гэта адзін з галоўных складнікаў агульнамаральных ведаў.

Што такое добра, робіцца зразумелым у працэсе ўсебаковага разгляду добрых рэчаў: або праз разбор арганічных цэласцяў з дапамогай метаду абсалютнай ізаляцыі (які падразумявае ўяўленне свету, дзе існуе выключна доследны аб’ект, з мэтай інтуіцыйна “угледзець” яго каштоўнасць самога па сабе), або праз прасочванне добра “у чалавечай прыродзе”, “ад Бога” і “праз гісторыю чалавецтва” (ці ў яго канкрэтных праявах, гістарычных вобразах сям’і, айчыны і Царквы [5, с. 89–90]). Вызначэнне добра, пазнанне яго адбываецца ў своеасаблівым навучэнні дабру праз указанне на яго. Такі разгляд і дазваляе сфармуляваць асноўныя характарыстыкі добра: унікальнасць, прастата, аўтаномія і г. д.

На працягу «Principia Ethica» і «Апраўдання добра» назіраюцца агульныя рысы ў разгорнутым вызначэнні добра. Да гэтых рысаў адносяцца, найперш, вернасць здароваму розуму і штодзённай мове, якія падказваюць, дзе шукаць добрае і дрэннае, а таксама сувязі этычных паняццяў, хаця, трэба адзначыць, што ў Дж. Мура апеляцыі да штодзённай мовы носяць больш сістэмны, метадалагічны характар [3], у той час як

Ул. Салаўёў звяртаецца не столькі да здоровага розуму людзей, заключанага ў мове, колькі да «мудрасці народу», што ў пэўным плане можна лічыць аналагічнымі аперацыямі [4].

З іншага боку, уразуменню добра службыць не толькі ўказанне на добрае, але і адмаўленне таго, што добром не з'яўляецца. Праз паслядоўнае адмаўленне іншых пазіцыяў і лагічна незаконных атаясамліванняў (добра не задавальненне, не тое, што “натуральна” рабіць, не шчасце, не справядлівасць, не Бог), Дж. Мур дазваляе існасці добра самога па сабе як унікальнага, рэальнага, аб'екту, нязводнага ні да чаго, высветліць сябе. Ул. Салаўёў з тымі ж мэтамі праводзіць крытыку эўдэманізму, песімізму і інш., а таксама прыбягае да канкрэтных прыкладаў не-добра, каб адцяніць яго існасць. Такі падыход, бясспрэчна, нагадвае феноменалагічны разгляд з'явы, які падразумявае паслядоўнае выключэнне яе з усіх магчымых кантэкстаў і звязаных з імі фактараў, каб у выніку атрымаць ачышчаную, даступную для беспасярэдняга сузірання існасць з'явы [5, с. 212]. Метад абсалютнай ізаляцыі аб'екту, які прапануе Дж. Мур, таксама можа разглядацца як блізкі да феноменалагічнага паслядоўнага выключэння з'явы з усіх магчымых кантэкстаў для сузірання яе самой.

Такім чынам, паводле этычных вучэнняў Ул. Салаўёва і Дж. Мура, дэфініцыю добра нельга лічыць неабходнай умовай маральнасці і атаясамліваць з пазнаннем добра, сэнс якога заключаецца ў дасягненні ведання добра праз індывідуальны акт яго ўразумення. Вызначэнне добра ў вышэй акрэсленым сэнсе ўяўляецца найбольш адэкватным падыходам да яго разумення, неабходнага для таго, каб, з дапамогаю ведання добра, маральна дзейнічаць. Пра гэта сведчыць і разуменне праблемы Дж. Мура, які сцвярджае, што для абгрунтавання дзеяння неабходна ведаць добро і прадбачыць імаверныя наступствы, і разуменне Ул. Салаўёва, які наўпрост даводзіў, што чалавек у сваім жыцці мусіць кіравацца ідэяй Добра. Беспасярэдняе веданне добра адкрывае шлях для далейшага рацыянальнага абгрунтавання маральнай дзейнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Мур, Дж. Э. *Principia Ethica* // Природа моральной философии. Москва : Республика, 1999. С. 21–222.
2. Дробницкий, О. Г. Научная истина и моральное добро // Моральная философия: избр. труды. Москва : Гардарики, 2002. С. 405–428.
3. Moore, G. E. *Principia Ethica*. London : Cambridge University Press, 1922.
4. Соловьев, В. С. *Оправдание добра* // Соч. : в 2 т. Москва : Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–548.

5. *Шелер, М.* Феноменология и теория познания // Избранные произведения. Москва : Гнозис, 1994. С. 195–258.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕВНОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ПРИВЯЗАННОСТИ

А. В. Лях

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Liakh.alesia@gmail.com

Научный руководитель – Ширко Светлана Михайловна, старший преподаватель кафедры психологии

Проблема ревности очень актуальна в отношениях между полами, так как влияет на гармонию в супружеских отношениях, а также часто является одной из главных причин разводов. Несмотря на достаточное количество работ, посвященных изучению феномена ревности, исследований, где предметом изучения выступали бы проявления индивидов с различными стилями привязанности, в современной психологии недостаточно. В результате проведенного эмпирического исследования были установлены половые различия в проявлении ревности. Сравнительный анализ позволил установить, что женщины имеют значимо более высокие показатели такой реакции на ревность, как манипуляция. Для мужчин более характерна такая реакция на ревность, как контакт с соперником. Согласно результатам анализа половых различий в стилях привязанности статистически значимых различий не выявлено. Следовательно, надежный, озабоченный, отвергающий и опасливый стили привязанности в равной мере выражены как у мужчин, так и у женщин. Установлены особенности проявления ревности у мужчин и женщин с различными стилями привязанности.

Ключевые слова: стили привязанности; половые различия в проявлении ревности и стилей привязанности; особенности проявления ревности индивидов с различными стилями привязанности.

В настоящее время основная масса исследований привязанности у взрослых людей продолжает исследования J. Bowlby (И. А. Фурманов, В. Н. Куница, Т. В. Казанцева, В. М. Дмитриева, J. Bowlby, K. Bartholomew, M. D. S. Ainsworth, L. M. Horowitz, P. Shaver, C. Hazan, M. Mikulincer). В зарубежных исследованиях привязанность, с точки зрения J. Bowlby, представляет собой эмоциональную связь между людьми, которая обеспечивает устойчивую основу, на которой люди строят свое взаимодействие с окружающим миром. Привязанность является долговременным и влиятельным взаимным психологическим явлением [8]. По мнению J. Bowlby, привязанность активизируется при столкновении с любой опасностью, неизвестной ситуацией.

Теоретические положения J. Bowlby получили практическое подтверждение в исследовании M. D. S. Ainsworth. На основании наблюдений за реакциями детей на разлучение и воссоединение с лицами,

осуществляющими уход, М. D. S. Ainsworth определила три различных типа привязанности [5]: надежный (люди характеризуются чувством близости к значимым субъектам и способны полагаться на них), тревожно-амбивалентный (отличается непоследовательным и противоречивым поведением; таким людям нужны близкие отношения, но они испытывают интенсивный и постоянный страх, что их бросят и поэтому устанавливают контакты с людьми «не так близко, как им хотелось бы») и избегающий (люди имеют относительно негативные модели Других, испытывают чувство дискомфорта из-за близости в отношениях). С. Hazan и Р. Shaver предположили, что романтические отношения во взрослом возрасте могут рассматриваться как отношения, сформированные на первичной привязанности, т.е. эмоциональной связи детей с их объектом привязанности. По их словам, «для каждого признака привязанности существует параллельный признак любви» [9]. Любовь как в младенчестве, так и во взрослом возрасте включает в себя зрительный контакт, удержание, прикосновение, ласку, улыбку, плач, желание быть утешенным партнером по отношениям (родителем, романтическим партнером или супругом); переживание беспокойства и печали после разлуки или потери; и опыт счастья и радости после воссоединения. Все эти параллели привели С. Hazan, Р. Shaver к выводу, что отношения детей с родителями и отношения романтических или супружеских партнеров друг с другом являются вариантами единого основного процесса, тем самым они расширили теорию привязанности до взрослых романтических связей. С. Hazan, Р. Shaver установили, что взрослые, которые определяли себя как надежных, тревожно-амбивалентных или избегающих, различались друг от друга восприятием себя, других и тем как ведут себя в романтических отношениях. Более конкретное изучение связи между ментальными моделями и типами привязанности было представлено К. Bartholomew и L. M. Horowitz. Впоследствии они дали интерпретацию размеров избегания привязанности и беспокойства, используя концепцию J. Bowlby внутренней рабочей модели себя и Других. К. Bartholomew и L. M. Horowitz указали, что комбинацию двух измерений можно рассматривать как определяющие четыре модели привязанности [7]. Так, надежный (secure) тип привязанности характеризуется позитивными моделями себя и других. Такие люди обладают чувством собственного достоинства, уверенностью в себе, им комфортно устанавливать и поддерживать близкие отношения. Озабоченный (preoccupied) тип привязанности отличается негативной моделью Я, но позитивной моделью

Других. Вследствие этого, человек будет стремиться получить признание других людей, устанавливать особо близкие отношения. Отвергающий (dismissing) тип привязанности предусматривает позитивную модель себя, но негативную модель других. Такого типа люди избегают близости, защищая себя от разочарований, ожидая, что другие будут ненадежно и отрицательно настроены по отношению к ним. Тем не менее, они поддерживают чувство собственной значимости и независимости. Опасливый (fearful) тип привязанности характеризуется негативными моделями как себя, так и других. Опасливые люди, как и озабоченные, сильно зависят от принятия других, однако из-за своих негативных ожиданий они избегают близости, чтобы предотвратить ситуации отвержения.

Проанализировав изучение взрослой привязанности в отечественной психологии, мы выяснили, что большинство авторов используют уже сложившееся в зарубежной психологии понятие привязанности, применяя его без изменений. Однако некоторые отечественные авторы предлагают другие типологии. Так, В. Н. Куницина, Т. В. Казанцева определили привязанности как долговременные, устойчивые, позитивно окрашенные взаимоотношения, эмоционально наполненные и основанные на большой потребности друг в друге [2]. Они предложили модель межличностной привязанности как двух социально-психологических установок в отношении зависимости и независимости в близких отношениях. На основе этой модели были выделены и описаны пять типов привязанности: зрелый (истинный), зависимый, тревожно-противоречивый, отстраненный и беспечный [2]. По мнению В. М. Дмитриевой привязанность – это потребность в длительных, глубоких отношениях, при которой партнеры помогают, поддерживают и зависят друг от друга, обеспечивая при этом друг другу определенную степень свободы [1]. Она выделила 4 типа привязанности: нормальная, здоровая, безопасная; тревожно-сопротивляющаяся, цепляющаяся; тревожно-избегающая; тревожно-дезорганизованная, хаотичная. В. М. Дмитриева утверждает, что тип привязанности зависит от экзистенциальной (жизненной) позиции, которая, с одной стороны, выбирается человеком самостоятельно, а, с другой стороны, одновременно зависит и от характера взаимоотношений в семье, и от значимого окружения.

В нашем исследовании, согласно подходу D. P. H. Barends, P. Dijkstra, мы рассматриваем ревность как отсутствие доверия в отношениях и подозрительное отношение друг к другу [6]. В соответствии с концепцией

M. D. S. Ainsworth, под привязанностью мы понимаем близкие и прочные эмоциональные связи, установленные в результате длительных отношений между двумя людьми [5]. Целью исследования является изучение различий в проявлении ревности у мужчин и женщин с различными стилями привязанности. В исследовании приняло участие 57 респондентов в возрасте от 30 до 40 лет, среди которых 33 испытуемых женского пола и 24 испытуемых мужского пола. Теоретическими и методологическими основаниями данной работы являются подход D. P. H. Barends, P. Dijkstra, подход L. K. Guerrero, P. A. Andersen, модель стилей привязанности K. Bartholomew и L. Horowitz. Использовались следующие методики: опросник CRJ (Communicative persons to jealousy) «Коммуникативные реакции на ревность», разработанный L. K. Guerrero, P. A. Andersen, в адаптации И. А. Фурманова, А. О. Вергейчик [4] и методика RQ (Relationship Quality) «Самооценка генерализованного типа привязанности», разработанная K. Bartholomew, L. Horowitz (перевод и апробация методики выполнены Т. В. Казанцевой) [3]. Полученные данные подверглись статистической обработке с помощью пакета статистических программ SPSS 22.0 (SPSS Student Version and Graduate Pack Resources). Процедура статистической обработки данных включала корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена). Значимые различия определялись с помощью критерия Манна-Уитни.

В результате исследования были установлены половые различия в проявлениях ревности. Можно констатировать, что женщины и мужчины испытывают ревность по-разному. Сравнительный анализ позволил установить, что женщины имеют значимо более высокие показатели такой реакции на ревность, как манипуляция. Для мужчин более характерна такая реакция на ревность, как контакт с соперником.

Согласно результатам анализа половых различий в стилях привязанности значимых различий не выявлено. Отсутствие половых различий по стилям привязанности может быть обусловлено культурными факторами: в современном обществе гендерные роли всё более сглаживаются, начинают преобладать андрогинные характеристики в поведении людей.

Установлены особенности проявления ревности у мужчин и женщин с различными стилями привязанности. Мужчин с надежным стилем привязанности отличает от женщин негативное отношение к такой стратегии как избегание/отрицание (поведение в ситуации ревности направлено на осознание и принятие существующей проблемы). Женщин

отличает от мужчин негативное отношение к стратегии активное дистанцирование (в ситуации ревности поведение не направлено на отдаление и игнорирование любого взаимодействия с партнером, с целью проявления своего недовольства). Мужчины с озабоченным стилем привязанности выделяются использованием стратегии насильственного воздействия и угроз, дистрибутивной коммуникации и активного дистанцирования (амбивалентность ревнивых реакций), в то время как женщины используют стратегию негативно аффективной экспрессии (проявляют свои негативные чувства партнеру, демонстрируя недоверие, негодование). Женщин с опасливым стилем привязанности отличает использование негативно аффективной экспрессии (демонстрирование недоверия, проявляющееся в частых ссорах; споры с повышением голоса, высказывание своих обид и личностных оскорблений партнеру). Для индивидов с отвергающим стилем привязанности существует половая дифференциация. Мужчин отличает негативное отношение к стратегии манипуляции (поведение не направлено на различного рода манипуляции с целью вызвать негативные переживания у партнера, влияя на его чувства, делая так чтобы партнер принял на себя ответственность за изменение ситуации и испытывал ревность), в то время как женщин также отличает негативное отношение, но к стратегии интегративной коммуникации (поведение женщин не направлено на взаимодействие с партнером с целью обсуждения существующих проблем).

Библиографические ссылки

1. *Дмитриева, Н. В.* Психология привязанности и интимности / Н. В. Дмитриева // Актуальные проблемы психологии личности : сб. ст. по матер. II междунар. науч. – практ. конф. – Новосибирск : СибАК. 2010. № 2. С.46–58.
2. *Куницына, В. Н., Казанцева, Т. В.* Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми. Вестник Санкт-Петербургского университета: Психология. Социология. Педагогика. 2009 (1-2). С. 3–8.
3. *Казанцева, Т. В.* Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности // автореф. дисс... канд психол н.: 19.00.05 / Казанцева Татьяна Валерьевна –СПбГУ, 2011. – 22 с.
4. *Фурманов, И. А.* Тактики поведения в ситуации переживания ревности: адаптация методики «Коммуникативные реакции на ревность» / И. А. Фурманов, А. О. Вергейчик // Психологический журнал. 2012. № 1-2. С. 81–89.
5. *Ainsworth, M. D. S.* Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M. D. S. Ainsworth [et al.]. – Hillsdale, NJ.: New York: Lawrence Erlbaum Associates. – 1978. – 391 p.
6. *Barelds, D. P. H., Dijkstra, P.* Reactive, anxious and possessive forms of jealousy and their relation to relationship quality among heterosexuals and homosexuals. Journal of Homosexuality. 2006. 51 (3). P.183–198.

7. *Bartholomew, K., Horowitz, L.M.* Attachment Styles Among Young Adults: A Test of a Four-Category Model / K. Bartholomew, L. M. Horowitz // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 61. № 2. P. 226–244.
8. *Bowlby, J.* Attachment and loss: Vol. 2. Separation. / J. Bowlby. – New York: Basic Books. 1973. 205 p.
9. *Hazan, C.* Conceptualizing romantic love as an attachment process / C. Hazan, P. Shaver // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 29. P. 270–280.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ С БЕЖЕНЦАМИ И ВЫНУЖДЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ

У. П. Масалович

Белорусский государственный университет, г. Минск;

ulyana.masalovich@gmail.com

*Научный руководитель – Купчинова Татьяна Владимировна, кандидат
социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации*

В публикации автор рассматривает коммуникативные коммуникативные технологии в работе с беженцами и вынужденными переселенцами в Республике Беларусь. В работе представлены определение и виды информационной поддержки как превентивного инструмента управления социальными рисками. В публикации приведены результаты исследования коммуникативных практик с использованием интернет-технологий организациями в работе с беженцами и вынужденными переселенцами. Исследований, посвященных коммуникативным практикам в работе с беженцами и вынужденными переселенцами в открытом доступе, наблюдается достаточно малое количество. Данная работа может использоваться для проведения дальнейших исследований в области коммуникации с беженцами и вынужденными переселенцами.

Ключевые слова: коммуникативные технологии; интернет-коммуникации; беженцы; информационная поддержка.

Беженцы и вынужденные переселенцы – та категория лиц, которых можно отнести к социально уязвимой группе населения. Беженцы и вынужденные переселенцы покидают страну в случае гонения или преследования, по причине того, что угрожает их собственной жизни и безопасности, а также безопасности их семьи. Маловероятно, что в такие моменты, у людей складывается четкий алгоритм действий. Скорее срабатывает банальный механизм самосохранения и сохранения жизни семьи.

Для комплексного обеспечения информационной поддержки мигрантов необходимо взаимодействие всех структур, имеющих отношение к работе с беженцами и вынужденными переселенцами: государство, общественные организации (неправительственный сектор), международные организации.

Агентство ООН по делам беженцев – показательный пример функционирования системы оповещения общественности о существовании острой социальной проблемы. Агентство занимается не только информированием населения о том, что существуют беженцы и кто они

такие, периодически агентство проводит кампании, посвященные интеграции беженцев в современное сообщество.

Тем не менее, какие бы кризисные ситуации не возникали с приездом и большим наплывом граждан других государств на территорию другого, необходимо соблюдать все правила и требования международного законодательства. Помимо материальной помощи и предоставления убежища беженцам и вынужденным переселенцам необходимо осуществить информационную поддержку данной группе населения. Необходимо наладить контакт с людьми, которые находятся на грани потери веры в собственное правительство, которое, возможно, стало причиной их скоростного отъезда из страны.

Информационная поддержка представляет публикацию информационных тематических блоков на веб-сайте или социальных сетях, а также трансляция этой же информации на аудиовизуальных каналах или в печатных средствах информации. Процесс информирования как своеобразный мост, связывающий беженцев и вынужденных переселенцев с той культурой и страной, в которой они оказались.

Беларусь, наряду с 142 государствами-участниками Конвенции 1951 года о статусе беженцев [1] и Протокола 1967 года к ней [5], взяла на себя международные обязательства по защите прав беженцев. В частности, Правительство Беларуси должно гарантировать:

- право каждого обратиться за предоставлением убежища;
- защиту от высылки;
- соблюдение прав беженцев.

Роль УВКБ ООН в стране заключается в проведении консультаций, а также в поддержании усилий Правительства, направленных на выполнение своих международных обязательств. Кроме того, задачами Представительства УВКБ ООН в Беларуси являются совершенствование системы убежища, содействие социальной интеграции беженцев, продвижение идей терпимости, а также реализация долгосрочных решений для вынужденно перемещенных лиц с особым фокусом на оказании содействия в трудоустройстве и получении образования [3].

Следующей структурой, занимающейся вопросами беженцев и миграцией, является Министерство внутренних дел Республики Беларусь, имеющее специализированный Департамент по гражданству и миграции.

Департамент по миграции осуществляет контроль за миграционными процессами, правовым регулированием миграции, информационным

обеспечением процессов, необходимых для сотрудничества государственных органов и физических лиц [2].

На веб-сайте Департамента разработан алгоритм действия для прибывающих в страну иностранных граждан, ориентированных, по большей части, на русскоговорящих граждан, по причине того, что иноязычная версия (белорусская или английская) недоступна для перевода некоторых материалов. Именно на начальном этапе прибывающий в Республику Беларусь гражданин может столкнуться с языковым барьером в случае, если лицо не владеет русским языком, что случается достаточно часто. Следующая проблема, которая затрагивает предыдущую, неравнозначность в предоставлении информации из-за отсутствия языкового разнообразия при подаче информации, пояснение: перечень информации, с которым может ознакомиться иностранный гражданин, владеющий русским языком, значительно больше, чем гражданин, владеющий только английским языком.

В Республике Беларусь есть диаспоральные организации для иностранных граждан, которые оказывают помощь соотечественникам в стране. Среди них, например, афганские (Международная благотворительная общественная организация афганцев «Афганская община, землячество и беженцы», Минск; Фонд поддержки вынужденных мигрантов и беженцев «Интеграция-А», Гомель) и грузинские общественные организации (Гродненское общественное объединение грузин и Грузинское культурно-просветительское общество «Матули» («Отечество»), Минск) [6, с. 34].

Перечисленные организации были созданы для решения различных проблем в жизни иностранных граждан и лиц без гражданства, оказавшихся на территории белорусского государства и столкнувшихся с различного рода коммуникативными барьерами. В организациях действуют механизмы разрешения широкого спектра проблем, занимаются вопросами сохранения культурной идентичности афганцев и грузин, пытаются найти точки соприкосновения афганской, грузинской и белорусской культур. Организации оказывают финансовую поддержку, содействуют трудоустройству, помогают в разрешении жилищных вопросов [6, с. 35].

Количество диаспоральных организаций в Республики Беларусь невелико и представлено лишь несколькими объединениями этнических групп, плотно устоявшихся в социальном-культурном поле Республики Беларусь. Если говорить об иностранных гражданах из дальних регионов,

таких как Сирия, Ливия, Иран, Ирак, регионы Северной и Южной Африки, то, к сожалению, почвы для организации диаспоральных интегрирующих объединений на территории Республики Беларусь на данный момент нет.

Помимо вышеперечисленных организаций в Республике Беларусь существуют неправительственные организации, активно вовлеченные в работу с беженцами и вынужденными переселенцами. На территории Беларуси действуют следующие организации: правозащитная организация «Human Constanta», Центр дополнительного образования детей и молодежи «Эврика», служба по консультированию беженцев Белорусского движения медработников, правозащитный центр «Весна», Международная правозащитная организация Amnesty International и иные.

Цель неправительственных организаций – контроль за соблюдением прав иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках национального и международного законодательства, борьба с дискриминацией, фиксация нарушений прав.

К числу структур, оказывающих помощь и поддержку беженцам можно отнести правозащитную организацию «Human Constanta», которая работает с правами человека в трёх основных направлениях:

- защита прав иностранных граждан и лиц без гражданства;
- продвижение антидискриминации и неформальное образование в области прав человека;
- цифровые свободы и права [4].

К неофициальным источникам для оказания информационной поддержки является сообщество в социальной сети ВКонтакте, где созданы разного рода обсуждения, где любой человек может задать интересующий его вопрос и получить ответ от людей, которые сталкивались со схожей проблемой, получить помощь материальную или поддержку в сложных жизненных ситуациях [7].

Таким образом, направления по оказанию помощи беженцев и вынужденным переселенцам в Республике Беларусь можно поделить на два вида: информационная поддержка, исходящая от официальных структур и неофициальных.

Для подробного рассмотрения вопроса об оказании информационной поддержки беженцам и вынужденным переселенцам было проведено исследование. В качестве объекта исследования выступили информационные ресурсы, а именно сообщества в социальной сети Facebook официальных структур, работающих с беженцами и вынужденными переселенцами.

В процессе исследования были рассмотрены официальные сообщества Министерства внутренних дел Республики Беларусь [8], правозащитной организации Human Constanta [10], УВКБ ООН [9].

Было проанализировано 1160 публикаций в период с 01.03.2019 по 29.02.2020. По полученным данным, представленным в таблице 1, можно отметить частоту выхода контента по количеству постов в год, активность аудитории по количеству отметок «мне нравится». Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод, что информация, поступающая от правозащитной организации «Human Constanta» находит отклик у своей аудитории, о чем свидетельствуют достаточно высокий показатель количества отметок «мне нравится», «поделиться» и написанных комментариев.

Таблица 1 – Вовлеченность аудитории в публикуемый контент

Название сообщества	Показатели				
	подписчики	количество постов	«мне нравится»	комментарии	поделиться
МВД Беларуси	486	780	3025	116	478
Human Constanta	2820	245	8329	593	921
УВКБ ООН	1669	135	2451	40	231

Касательно МВД Беларуси и УВКБ ООН – количество отметок мне нравится и поделиться значительно меньше, что можно связать со спецификой публикуемого контента, более формальным его представлением.

Следующим критерием для анализа, представленным в таблице 2, был источник публикуемой информации: собственный контент – сообщество самостоятельно генерирует контент и является официальным источником информации; заимствованный – наблюдаются репосты с внешних источников, а также с сообществ других организаций; кросспостинг в данном случае представляет дублирование информации с официального сайта организации в социальную сеть.

Таблица 2 – Источник публикуемой информации

Название сообщества	Источник публикуемой информации		
	Собственный контент (кол-во постов)	Заимствованный (кол-во постов)	Кросспостинг (кол-во постов)
МВД Беларуси	342	74	364
Human Constanta	172	45	28
УВКБ ООН	115	18	2

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о степени ответственности сообщества в публикации контента. В таблице 3 представлена доля контента по отношению к общему количеству публикуемой информации. По результатам исследования, можно отметить, что УВКБ ООН в сравнении с представленными организациями выступает в качестве генератора уникального контента, касающегося деятельности собственной организации.

Таблица 3 – Доля контента по типу источника

Название сообщества	Доля контента по типу источника		
	Собственный контент (%)	Заимствованный (%)	Кросспостинг (%)
МВД Беларуси	43,8 %	9,5 %	46,7 %
Human Constanta	70,2 %	18,4 %	11,4 %
УВКБ ООН	85,2 %	13,3 %	1,5 %

Для определения степени соответствия сообществ организаций в социальной сети Facebook, взаимодействующих с беженцами и вынужденными переселенцами, информационной поддержкой обозначенных групп была выявлена доля тематического контента в общей доле публикуемой информации за рассматриваемый период.

По результатам исследования, можно сделать вывод, что количество публикаций, касающихся беженцев и вынужденных переселенцев связано с деятельностью организации в целом. Доля тематического контента представлена в таблице 4. Таким образом, преобладающее количество постов было отмечено за УВКБ ООН – организацией, специализирующейся на работе с беженцами и иностранными гражданами; минимальное количество публикаций по теме было отмечено за МВД Беларуси по причине того, что Департамент по миграции, занимающийся делами беженцев и иностранных граждан, не имеет собственного сообщества в социальных сетях.

Таблица 4 – Доля контента по тематике

Название сообщества	Доля контента по тематике		
	Общее количество постов	Количество постов по тематике	Доля тематического контента
МВД Беларуси	780	11	1,4 %
Human Constanta	245	102	41,6 %
УВКБ ООН	135	132	97,8 %

В качестве категории для анализа был использован показатель «Формат контента» для определения, какой формат является преобладающим на представленных ресурсах, результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Формат контента

Название сообщества	Формат контента			
	фото	текст	видео	ссылка
МВД Беларуси	650	543	38	526
Human Constanta	218	237	18	142
УВКБ ООН	111	114	22	38

Следующей категорией для анализа была обозначена «Длина текста», представленной в таблице 6. Оптимальная длина текста для социальных сетей – 160-1000 символов для уменьшения нагрузки на читающего. Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод, что соответствие критерию выполнено в сообществах Human Constanta и УВКБ ООН, для сообщества МВД Беларусь свойственны так называемые «лонгриды».

Таблица 6 – Длина текста

Название сообщества	Длина текста		
	(< 160 симв.)	(160-1000 симв.)	(> 1000 симв.)
МВД Беларуси	29	237	514
Human Constanta	30	186	29
УВКБ ООН	22	73	40

По результатам исследования можно сделать вывод, что активность в сообществах по работе с беженцами и вынужденными переселенцами наблюдается, что может свидетельствовать о реализации коммуникативных практик. Стоит отметить, что исследуемые организации имеют собственную специфику деятельности, что необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Степень активности в рассмотренных сообществах отмечается разная по причине стиля публикуемого контента: в случае с УВКБ ООН и МВД Беларуси наблюдается официальный стиль изложения информации, в то время как в Human Constanta стиль написания постов достаточно свободный, неформальный, что более способствует для организации дискуссий и обсуждений под постами у аудитории. Важно отметить, что данный вид коммуникативных технологий, реализуемых в социальных сетях, направлен в большинстве своем не на беженцев и вынужденных переселенцев, а на людей, организации, работающих с беженцами и вынужденными переселенцами, а также на информирование широкой

общественности. К причинам, обуславливающим такого рода информационную направленность, относится язык публикаций (преобладающий – русский), тематика контента, форма подачи.

Библиографические ссылки

1. Конвенция о статусе беженцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml. – Дата доступа: 03.04.2020
2. Официальный сайт Департамента по гражданству и миграции МВД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/page/departament-po-grazhdanstvu-i-migraci>. – Дата доступа: 30.03.2020
3. Официальный сайт УВКБ ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unhcr.org/by/ru/>. – Дата доступа: 13.03.2020
4. Официальный сайт Human Constanta. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://humanconstantaby//>. – Дата доступа: 03.04.2020.
5. Протокол, касающийся статуса беженцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml. – Дата доступа : 03.04.2020
6. *Селиванов, А. В.* Вопросы и ответы о беженцах и вынужденной миграции / *А. В. Селиванов, В. Г. Шадурский.* – Минск: Зималетто, 2009. – 48 с.
7. Сообщество в социальной сети Вконтакте «Помощь беженцам. Беларусь». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/clubsavedonbasspeoplebelarus>. – Дата доступа: 01.04.2020
8. Сообщество Министерства внутренних дел Республики Беларусь в социальной сети Facebook. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/mvdgovby/>. – Дата доступа: 17.03.2020
9. Сообщество УВКБ ООН Беларусь в социальной сети Facebook. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/UNHCRBelarus/>. – Дата доступа: 17.03.2020
10. Сообщество Human Constanta в социальной сети Facebook. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/HumanConstanta/>. – Дата доступа: 17.03.2020

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭСКАПИЗМА В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА

А. А. Сорока

Белорусский государственный университет, г. Минск

Magpie1337@gmail.com

Научный руководитель – Солодухо Александр Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

Феномен социального эскапизма как способ бегства от реальности является довольно распространённой тенденцией среди людей, находящихся в экзистенциальном кризисе или оказавшихся в тяжёлом жизненном положении. Он может выражаться как бегство от реальности в иллюзорный виртуальный мир, как тенденция к шопоголизму или даже в виде склонности заимствования атрибутов зарубежной культуры для формирования собственной культурной идентичности.

Предполагается, что современные модели проявления эскапизма в контексте белорусского интернет-пространства имеют ряд особенностей, присущих представителям белорусского менталитета. Данное исследование позволяет дать ответ на вопрос, какие факторы являются определяющими в выборе способа проявления эскапизма в рамках интернет-пространства, связано ли это с культурными особенностями менталитета представителей белорусского этноса и происходит ли это за счёт смешения с другими культурами других стран.

В связи с отсутствием в рамках отечественной психологии теоретического анализа современных моделей проявления эскапизма в контексте белорусского интернет-пространства, исследования в данной области предоставляют высокую научную ценность.

Ключевые слова: социальный эскапизм; истернизация; вестернизация; экзистенциальный вакуум; менталитет.

После развала Советского Союза многие белорусы оказались в экзистенциальном вакууме. Проблемы личностной самоидентификации и нахождения своего положения в мире стали ещё более актуальны. Не имея каких-либо четко установленных культурных ценностей, люди, и в большей мере молодое поколение, сталкиваются со сложностями и трудностями в ходе обретения собственной культурной идентичности [1].

В связи с включением в повседневные практики интернет-коммуникации, границы между основными мировыми культурами стали более проницаемыми. Возможность потребления продуктов инородной культуры для человека, имеющего эскапистские наклонности, стала менее ресурсозатратной. Из-за этого эскаписты становятся активными зрителями кинематографа, мультипликации и игроками игр, которые транслируют

ценности иной культуры. Данный процесс происходит преимущественно посредством использования интернета.

Если личность с проявляющимися эскапистскими тенденциями склонна к употреблению продуктов зарубежной культуры или же путешествиям, то она будет искать пути ухода от культурных установок, преимущественно посредством использования продуктов тех культур, чьи ценности наиболее сильно отличаются от ценностей культуры, в которую она включена в данный момент. Этим можно объяснить заинтересованность носителей белорусского менталитета продуктами культурной деятельности такой отдалённой страны, как США. Данный процесс называется вестернизацией [1].

Также в последнее время за счёт распространения интернет-пространства как нового способа взаимодействия с внешним миром широкую распространённость среди молодого поколения стала приобретать тенденция заимствования восточной культуры и образа жизни. Данный процесс можно охарактеризовать как истериоризация (от англ. East – восток). Во многом это связано с популяризацией аниме, которое японцы делают преимущественно для экспорта в другие страны мира.

Под аниме понимаются анимационные мультфильмы, сделанные в Японии и содержащие в себе элементы японской культуры, зачастую в гиперболизированном варианте. Важной характеристикой аниме, как и многих других художественных продуктов японской культуры, является содержательный акцент на глубинных переживаниях и внутреннем мире человека. Во многом это связано с преобладающими на Востоке идеологиями синтоизма и дзен-буддизма. Данные доктрины являются диаметрально противоположными идеологиям западной культуры США, где акцент делается преимущественно не на личности человека, а на окружающей его действительности. То же самое касается и японских комиксов «Манги» и литературы «Ранобэ», преимущественно рассчитанной на подростков и людей, находящихся в состоянии экзистенциального кризиса [3]. Истериоризация с помощью данных атрибутов происходит, как правило, посредством взаимодействия человека с интернет-пространством как наиболее удобным и доступным источником получения информации.

Именно потому, что культура далёкой азиатской страны является так непохожей на культуру СССР, она становится всё более популярной у молодёжи в рамках отечественного интернет-пространства. Это

происходит за счёт сложившейся в постсоветском пространстве ситуации неопределённости и не до конца сформированной ментальности вследствие тех серьёзных изменений, что претерпели белорусы после развала Советского Союза, а также ряда исторических событий, которые повлияли на формирование белорусского менталитета. Помимо развала СССР, к ним можно отнести пребывание западной части Беларуси в составе Польши и даже раздел Речи Посполитой. В то же время значимую роль здесь также играют процессы глобальной трансформации в контексте информатизации современного общества.

Одним из частных примеров проявления эскапизма с элементами заимствования элементов японской культуры в интернете может выступать использование диминутивов. Под диминутивом подразумевается использование деконструированного русского языка с заимствованием молодёжного сленга и слов массовой культуры Японии. В качестве диминутивов в данном случае выступает «мимишный язык», подразумевающий, помимо деконструирования языка, и прямое заимствование слов из другого японского языка наподобии слова «тян» (девушка). Использование диминутивов в интернет-коммуникации можно рассматривать как особую форму проявления социального эскапизма [2; 4], своеобразный «языковой индикатор» субкультурной компетентности, выступающий значимым условием успешной коммуникации в интернет-пространстве [5].

Библиографические ссылки:

1. Думнова, Э. М. Проблема трансформации менталитета на рубеже 20–21 вв. / Э. М. Думнова // Вестник томского ГУ. – № 367. – 2013. – С. 38–41.
2. Шабанов, Л. В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность / Л. В. Шабанов // Томск: ТГУ. – 2005.
3. William, M. S., Mikhailova, J. Japan and Russia: Centuries of Mutual Images // Folkestone: Global Oriental. – 2008. – P. 175–191.
4. Herring, S. C. Relevance in computer-mediated conversation // Handbook of Pragmatics of Computer-Mediated Communication. Berlin: Mouton de Gruyter. – 2013. – p. 245–268.
5. Солодухо, А. С. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия / А. С. Солодухо, А. В. Лозовский // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – № 1. – С. 104–109.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАБОЧЕЙ МОТИВАЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ

А. А. Сорокина

Белорусский государственные университет, г. Минск;

evilovastasya@gmail.com;

*Научный руководитель – Фофанова Галина Александровна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии*

Различные сферы функционирования человека постоянно изменяются или деформируются, а это не может не оказывать влияния на эффективность его деятельности. Успешность, благополучие и качество жизни человека зависят от его возможностей справляться с неопределенностью, в связи с чем растет актуальность изучения способов совладания с ней. Работа в ситуациях неопределённости по-разному влияет на сотрудников. Статья посвящена специфике рабочей мотивации и толерантности к неопределенности сотрудников. Сотрудники со средним уровнем толерантности к неопределенности выбирают более сложные задания для выполнения и чувствуют личную ответственность за успех или неудачу после выполнения собственной работы. Для интолерантных к неопределенности сотрудников будет более привлекательно задание с четкими задачами и результатом, так как такие сотрудники стремятся к ясности и упорядоченности.

Ключевые слова: рабочая мотивация; толерантность к неопределенности; отношение к неопределенности; мотивация сотрудников.

Рабочая мотивация является внутренней мотивацией человека, побуждающей его к работе, основанной на её привлекательности, интересе и приводящей к ряду благоприятных как для личности, так и для работы в целом, результатов. При анализе рабочей мотивации представителей разных профессий было отмечено наличие как сходных черт (принципы изменения системы рабочей мотивации – возрастная динамика, изменения с улучшением условий труда), так и множество особенностей, основанных на специфике труда в конкретной компании (соотношение материального и морального поощрения, важность имиджа и престижа компании, атмосфера в коллективе и прочие) [2].

Неопределенность – одна из важнейших характеристик среды и стоящих перед сотрудниками задач профессиональной деятельности. Отношение к неопределенности сотрудника организации может существенным образом сказываться на его рабочей мотивации. Эти указанные обстоятельства и подчёркивают необходимость изучения обозначенного нами предметного поля. Толерантность к

неопределенности – отношение личности к условиям отсутствия устойчивых ориентиров выбора и невозможности применения устоявшихся клише или готовых решений и соответствующая отношению регуляция собственного поведения.

Т. В. Корнилова выделяет виды интолерантности к неопределенности [1]: 1) стремление к ясности и определенности в отношении к миру в целом (и миру идей); 2) стремление к ясности и определенности в отношениях с окружающими. Понимание толерантности к неопределенности апеллирует как к субъективной неуверенности, так и к принятию человеком нового, неизвестного, противоречивого, неясного. Толерантность к неопределенности отражает разное отношение человека к условиям неопределенности: позитивное отношение к неопределенности (как вызову со стороны условий, задающему новые возможности проявления себя), умение действовать и принимать решения при неполноте ориентировки в ситуации, принимать неясное и иное; или негативное отношение, включающее неустойчивость к неопределенности, восприятие условий неопределенности как угрозы, стремление все прояснить [1]. Стоит отметить, что в работе Т. В. Корниловой было сформировано новое понятие – межличностная интолерантность к неопределенности, при которой человек может воспринимать и переносить неопределенность в различных сферах своей жизни, тогда как именно неопределенность в отношениях с другими людьми является для него стрессогенным фактором.

В качестве **методологических оснований исследования** были определены: 1) модель рабочей мотивации, предложенная Р. Хакманом и Г. Олдхемом, согласно которой **рабочая мотивация** является внутренней мотивацией человека, побуждающей его к работе, основанной на её привлекательности, интересе и приводящей к ряду благоприятных последствий как для личности, так и для работы в целом. Концепция позволяет учитывать восприятие характеристик профессиональных заданий, интринсивную рабочую мотивацию, различные аспекты трудовой деятельности и потребность в профессиональном росте; 2) теория Т. В. Корниловой, согласно которой толерантность к неопределенности – отношение личности к условиям отсутствия устойчивых ориентиров выбора и невозможности применения устоявшихся клише или готовых решений и соответствующая отношению регуляция собственного поведения. Автор выводит понятия толерантности к неопределенности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности.

Согласно данной теории, толерантность к неопределенности не сводится к личностным чертам и не предсказывается точно диспозиционными шкалами, а зависит от содержания деятельности и ситуационных факторов. В качестве **методик исследования** использованы: 1) опросник «**Диагностика рабочей мотивации**» (Job Diagnostic Survey), разработанная Р. Хакманом и Г. Олдхемом, адаптированная И. Н. Бондаренко. 2) «**Новый опросник толерантности к неопределенности**», разработанный Т. В. Корниловой. Выборка включает 120 сотрудников организации, 103 респондентов женского пола, 17 респондентов мужского пола в возрасте от 23 до 63 лет, средний возраст – 39 лет.

Результаты исследования:

Сотрудников с низким уровнем толерантности к неопределенности не было выявлено. *Средний уровень толерантности к неопределенности.* Так, была выявлена статистически значимая, положительная, слабая связь между толерантностью к неопределенности с завершенностью профессионального задания ($r=0,18; p \leq 0,046$), шкала позволяет оценить в какой степени сотрудник должен выполнить задание полностью, для получения видимого результата.

Автономия ($r=0,19; p \leq 0,038$) характеризует уровень свободы, независимости и ответственности сотрудника при определении режима работы и процедур, необходимых для её выполнения. Становится понятно, что автономность необходима для того, чтобы сотрудник чувствовал личную ответственность за успех или неудачу после выполнения собственной работы. Тогда при высокой автономности у сотрудника будет мотивация выше. Коэффициент корреляции обладает положительным значением, следовательно, толерантность к неопределенности напрямую связана с завершенностью задания и автономией. Таким образом, сотрудники со средним уровнем толерантности к неопределенности выбирают более сложные задания для выполнения и чувствуют личную ответственность за успех или неудачу после выполнения собственной работы. Им важна автономия.

Средний уровень интолерантности к неопределенности. Была выявлена статистически значимая, положительная, слабая связь между интолерантностью к неопределенности с значимостью профессионального задания ($r = 0,23; p \leq 0,010$). Коэффициент корреляции обладает положительным значением, следовательно, интолерантность к неопределенности напрямую связана со значимостью задания. Чем больше

интолерантность к неопределенности, тем значимей для сотрудника профессиональное задание. Для таких сотрудников будет более привлекательно задание с четкими задачами и результатом, так как такие сотрудники стремятся к ясности и упорядоченности в выполнении работы.

Выявленные закономерности рабочей мотивации и толерантности к неопределенности можно будет учитывать при профессиональном отборе. Рабочая мотивация и толерантность к неопределенности являются значимыми слагаемыми эффективности и конкурентоспособности организации. Имея представления о показателях толерантности к неопределенности сотрудника или соискателя на вакантную должность, можно будет предсказать эти два параметра и то, насколько успешно сотрудник будет справляться с ситуациями неопределенности, часто возникающими в профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Корнилова, Т. В.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера / Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова // Экспериментальная психология. – 2014. – № 1. – С. 92–110.
2. *Фофанова, Г. А.* Рабочая мотивация программистов с различной толерантностью к неопределенности / Г. А. Фофанова, А. Г. Бутько, А. С. Солодуха // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2018. – № 2. – С. 68–73.
3. *Hackman, R.* Development of the Job Diagnostic Survey / R. Hackman, G. R. Oldham // Journal of Applied Psychol. – 1975. – Vol. 60, № 2. – P. 159–170

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ НА АРТ-РЫНКЕ

И. Ю. Тимоховцева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

iryna.tsimokhautsava@gmail.com;

*Научный руководитель – Кириллова Анастасия Владимировна,
старший преподаватель кафедры социальной коммуникации*

В публикации автор детально представляет методологическую схему выявления и анализа коммуникационных стратегий продвижения художников на основе эмпирического исследования белорусских художников на предмет коммуникационных стратегий продвижения. Выделены два крупных стратегических направления и пять коммуникационных стратегий продвижения белорусских художников.

Ключевые слова: коммуникационные стратегии; продвижение; арт-рынок; белорусские художники; изобразительное искусство.

Сфера изобразительного искусства в Беларуси несет в себе большой потенциал, который в полной мере не реализован. Во многом реализация продукта с высоким потенциалом обусловлена коммуникациями, которые создаются в социальной среде относительно продукта изобразительного искусства и его создателя. Поэтому коммуникационные стратегии продвижения являются значимым фактором в реализации имеющегося потенциала в сфере изобразительного искусства.

В пространстве мирового арт-рынка, в наиболее развитых его частях, где сформировалась устойчивая инфраструктура арт-рынка, характерно применение маркетинговых технологий для продвижения изобразительного искусства. Развитый арт-рынок имеет налаженную структуру взаимодействия участников арт-рынка, где важную роль играют стратегические коммуникации. В Беларуси арт-рынок находится на стадии формирования и является малоизученным. И во многом не ясно, каким образом производители продукта изобразительного искусства, то есть художники, реализуют себя в ситуации белорусского арт-рынка, или не реализуют, поскольку не находят достаточных вариантов для этого.

Белорусский арт-рынок, с точки зрения высокого качества изобразительного искусства, которое могут предложить белорусские художники, и не выстроенной структурой арт-рынка, которая бы позволяла реализовывать продукт изобразительного искусства в соответствии с его возможностями, обладает высоким потенциалом, в связи с чем высока

важность налаживания каналов взаимосвязи между субъектами арт-рынка, включая построение стратегических коммуникаций, которые повышают эффективность используемых возможностей для достижения результата.

Вопрос коммуникационных стратегий продвижения достаточно обширен и неоднозначен, как и понимание того, что является коммуникационной стратегией, где будут установлены границы данного понятия и почему именно такие. Поэтому, решая проблему анализа коммуникационных стратегий продвижения относительно продукта в сфере изобразительного искусства, мы столкнулись с проблемой разработки модели для анализа коммуникационной стратегии продвижения, и чтобы ее решить, мы рассматривали различные возможные варианты, и искали тот, который бы подходил нам для разработки исследования. В результате, чтобы решить методологическую задачу, мы обратились к опыту анализа коммуникационных стратегий относительно других объектов социальной среды. Соответствующей нашему запросу моделью мы нашли модель анализа коммуникационных стратегий религиозных организаций, предложенной А. В. Кирилловой, где модель анализа коммуникационной стратегии, основана на структурных моделях коммуникации Г. Ласуэлла, модель с обратной связью Л. де Флёра, и циркулярной модели Ч. Осгуда – У. Шрамма [1]. В результате мы решили взять в основу нашего исследования модель массовой коммуникации Гарольда Лассуэлла, и адаптировали ее относительно исследовательского поля, которое нас волновало.

В результате нами было проведено исследование с целью описать коммуникационные стратегии продвижения художников на белорусском арт-рынке картин. Исследование проводилось с помощью качественного исследовательского метода, включавшем анализ текстов интервью. Объектом исследования являлись белорусские художники, предметом – их продвижение на белорусском арт-рынке. Данные собирались с помощью полуструктурированного интервью лицом к лицу с респондентами. Респондентами стали белорусские художники по доступной нам выборке, в которую вошли 10 художников, четыре из них мужчины, шесть – женщины. В доступной выборке оказались представители разных возрастных групп: 25+ (2 женщины), 30+ (2 мужчины и 1 женщина), 40+ (3 женщины), 55 (мужчина) и 69 лет (тоже мужчина) [2].

В исследовании стояли 6 задач, которые предполагали 1) раскрыть цели художников при их выходе на арт-рынок, 2) рассмотреть их выбор каналов, 3) целевую аудиторию или что-то сопоставимое с ней, 4)

рассмотреть посредников, 5) разобраться в позиции художника и 6) рассмотреть обратную связь.

В результате мы можем отметить следующее:

1) Чаще всего художники не рассматривают продвижение себя и своего творчества как целенаправленный процесс. Все цели, которые они упоминают, касаются самого процесса творчества и результатов творчества, но не продвижения личности самого художника, личного бренда, продуктов творчества.

Можно выделить следующие цели, которые ставят или хотели бы поставить художники: 1) достичь определенного уровня своего мастерства и получить признание от профессионалов искусства, зарабатывать на своем искусстве; 2) донести свое искусство всему миру; 3) поиск помощника, или арт-менеджера, или другое заинтересованное лицо, которое будет заниматься вопросами реализации его искусства, его произведения искусства продавались; 4) получать признание, одобрение, поддержку, понимание от публики.

2) Целевая аудитория формируется по результатам творческого процесса, а не творчество планируется под целевую аудиторию.

Художники могут не видеть смысла рассматривать целевую аудиторию дальше, чем аудитория их творчества. То есть коммуникационный компонент, отделенный от самого творческого их продукта не рассматривается как тот, который может сыграть значимую роль в донесении себя и своего творчества своей публики, или как возможность расширить свою аудиторию за счет того, что были приложены усилия донести информацию о своем творчестве на «языке» аудитории, которой творчество художника могло бы быть интересно. Допустим, для той ситуации, где можно более удачно преподнести аудитории своё же собственное творчество или себя как художника, чтобы аудитория лучше поняла идею творчества художника и самого художника без физического контакта с произведением художника или без личного контакта с самим художником.

3) Художники не задумываются о формировании своей позиции для целевой аудитории. Определенная позиция носит случайный личный характер, формируется стихийно либо через определенные темы (темы культурно-исторической памяти, православное христианство); либо через жанр и технику исполнения (декоративное театральное искусство, текстильное высокое искусство, графическая анималистика, традиционный художник станковой живописи); либо через идеи о себе или о мире

(глубина образного выражения чувств, просто самовыражение творческой личности, выражение идеи гармонии человека в сочетании с образом танца, свободный художник). То есть позиции могут быть разными и формироваться через тематический ряд, через свою личную философию, через изобразительную технику или стиль, через интерпретацию своей деятельности и ее нужности для себя. Поскольку позиция не формируется художниками сознательно, они не могут использовать ее для того, чтобы ясно преподнести себя и свое творчество для своей публики и формировать свое уникальное торговое предложение, свой личный бренд, реализовывать свое творчество.

4) Художники используют те каналы, которые им известны, удобны или доступны, а не только те, которые помогают им достигать поставленных целей, если это те цели, в отношении которых они делают последовательные шаги к их достижению. Выбор каналов не связан с измерением его соответствия, или с соотношением, с желаемой аудиторией или с достижением определенных людей.

5) У художников посредничество достаточно не системное, каждая сторона стремится к своим интересам, и с точки зрения интересов художника и его профессиональной самореализации того что присутствует на данный момент недостаточно для работы в роли художника на белорусском арт-рынке, поскольку художник самолично обычно не может нести на себе все те функции, которые нужны для становления в качестве активного участника белорусского арт-рынка, и чтобы участвовать в его формировании и в активном становлении арт-рынка Беларуси. Как мы может отметить, посредничество разовое, и оно не всегда выполняет те функции, которые требовались бы от посредника, обычно можно встретить, что выполняется тот традиционно сложившийся необходимый минимум в отношении искусства, который у нас известен, но который с нашей точки зрения уже нельзя считать достаточным, если стремиться к определенным и имеющим ценность целям.

Мы отметили, что художник и не против был бы получить посредническую помощь для самореализации на арт-рынке, и не против был бы делиться с той прибылью от реализации своего искусства за помощь посредников в этих вопросах, которая бы помогла в сбыте его работ, но художники не встречали предложений в такой услуге. Но если бы была, они утверждают, что они бы ею воспользовались.

б) По отношению к художнику обратная связь имеет отношение к тому, как и кем он был оценен в качестве художника и в качестве своих работ,

которые он предлагает. Через обратную связь художник может понять, что то, что он делает это не бесполезно и что это кому-то еще нужно помимо его самого, то есть интерес к его творчеству людей имеет для художника значение, даже если это не многие люди, поскольку художнику бывает важно поделиться тем, что он считает очень важным, и обратная связь является некоторым таким индикатором, который показывает, что то, что он делает, на что он тратит свои усилия, время и даже деньги является чем-то не напрасным. С помощью обратной связи художник также может наблюдать то, чего он стоит как художник, как его оценивают в конкурентной среде среди других художников, может наблюдать в некотором роде свой уровень художника. Художники, которые продвигаются в социальных сетях, они могут ориентироваться на свою публику, если это им подходит в плане творческом и прислушиваться к мнению и к интересам публики, но также могут и игнорировать мнению mnogой части публики, если это идет в разрез творчеству, которое хочет в себе нести и проявлять художник.

В результате мы можем отметить, что обратная связь служит художнику больше в качестве моральной и эмоциональной поддержки, чувству связи с другими людьми, чувству нужности людям и своей социальной значимости, и в меньшей степени или как совсем не ориентир для продвижения своего искусства.

Далее мы перейдем к описанию коммуникационных стратегий продвижения художников на белорусском арт-рынке картин. Первое, что мы упомянем, так это то, что художники не склонны к стратегическому мышлению и выстраиванию стратегий.

Мы обратили внимание на то, что различные возрастные группы имеют тенденцию по-разному рассматривать свою самореализацию в качестве художников, в чем выражается и видение своего продвижения на социальном и коммерческом пространстве. Условно, мы можем говорить, во-первых, о «старой школе», которая работала через общественное профессионально признание, выставочную деятельность и художественный комбинат, дававший художникам государственные заказы и другие общественные организации, обеспечивающие художников работой, а, во-вторых, мы видим, что молодое поколение, оказавшись уже в других социальных условиях видит другие аспекты продвижения, которые включает различные варианты, где они вынуждены больше полагаться на самих себя, включая различные аспекты в продвижении,

допустим, посредством интернета или личных усилий для обеспечения себя продажами, или другими вариантами выгодного сотрудничества.

Дальше в результате того, что мы выяснили, мы выделим, исходя из данных, пять возможных стратегических вариантов, которые в разной степени проявляют себя относительно коммуникации и продвижения.

Стратегия 1. В данной стратегии цель будет проявлена в виде желания иметь для своего искусства покупателя, чтобы компенсировать материальные и духовные затраты на создание произведения, но без усилий со стороны самого художника в обретении такового.

Целевая группа представляет собой специфическую немногочисленную публику, которой интересно воспринимать творчество художника. А в качестве каналов используются доступные физические пространства для выставления своих работ. Интернет-ресурсы не рассматриваются.

Позиция художника не осознанно формируется через выбор определенной темы, в которой работает художник.

Посредники обычно отсутствуют, но может быть безвозмездная помощь со стороны других лиц в технических вопросах выставок, и может встречаться некоммерческое привлечение художника для выставки в определенном месте.

Обратная связь выражается в отзывах людей, которые признают и поддерживают художника в его творческом направлении или отвергает его.

В результате цель не сформирована до конца и то, что делает художник не приводит к достижению желаемого эффекта. Художник ждет активного интереса к себе, но не желает каким-либо образом стимулировать этот интерес.

Стратегия 2. В данной стратегии цель будет проявлена в виде желания иметь ситуацию, когда творческий успех дополнен материальным самообеспечением при отсутствии специальных умений в продвижении и желания этому учиться.

Целевая группа, это условная группа ценителей-профессионалов или любителей, которым интересно творческое направление художника.

В качестве каналов коммуникации с целевыми группами используются традиционные выставки, в гораздо меньшей степени аккаунты в социальных сетях, есть попытки продвижения через отзывы и личные контактами с искусствоведами.

Позиция неосознаваемая, но она выражена в концепции самого смысла художественного творчества художника. Посредники – галереи, а также приглашающие к участию в некоммерческой выставке.

Обратная связь: позитивные отзывы от профессионалов и любителей.

В целом стратегию можно охарактеризовать тем, что художник понимает необходимость профессионального продвижения своего творчества, но его компетенции и мотивация недостаточны для того, чтобы заниматься этим самостоятельно, он предпочел бы передать эти функции профессионалу или другому заинтересованному лицу.

Стратегия 1 и Стратегия 2 подобны друг другу, но различаются в том, что в первом случае художник принципиально не хочет тратить свои усилия на то, чтобы достичь более частой и выгодной реализации своего творчества, при желании всё же иметь эти реализации, во втором случае художник хотел бы что-то конкретное для своего продвижения делать, но его сдерживает состояние неопределённости и неясности в отношении того, как именно технически это нужно делать, чтобы достичь эффекта реализации своих работ.

Стратегия 3. В данной стратегии целью служит условное стремление донести свое искусство до всего мира, что реально не достижимо и художник это понимает. Целевая группа определяется как узкий круг людей, которые могут воспринимать серьезные темы искусства. Каналы представляют собой выставочные пространства. Позиция не осознается, но выявляется нами как по определенной тематике. Посредников обычно нет, но могут быть приглашения для организации выставки. Обратная связь выражена в реакции публике и в ее отзывах от выставки.

Художники в данной стратегии продвигают себя привычным для себя образом и используют его, ничего не меняя, несмотря на изменения обстоятельств и условий.

Стратегия 3 не так безрезультативна как две предыдущих, поскольку хоть то, что делают художники не соотносится с их желаемыми целями-мечтами, но их личное понимание того, что всё-таки нужно делать и тот факт, что они это делают уже является зачатком той системы действий, которая приводит их хоть не к их мечте, но всё же к результату, который им интересен. В этом есть больше доли сознательности художников относительно той коммуникации, которую они осуществляют, и которая приносит им желательный результат, хоть эта коммуникация не является стратегической в той мере, чтобы связывать цель с действием и выбирать действия целенаправленно, чтобы прийти именно к цели. Их отбор

действий носит интуитивный характер, исходящий из внутренних побуждений к реализации, ради которой они готовы делать, что могут и делают это, из чего вырисовывается своеобразная, хоть и не сильно сознательная стратегия.

Стратегия 4. В данной стратегии целью является достижения заработка на своем творчестве, целевой группой является достаточно конкретная аудитория в группе социальной сети. Канал соответствует аудитории, то есть это группа в социальной сети. Позиция соответствует запросам целевой аудитории и не противоречит творческим побуждениям художника. Посредников нет. Обратная связь исходит от аудитории группы в социальной сети, которая учитывается для формирования контента.

Стратегия 4 носит своеобразную специфику, в которой художник заинтересован в своей аудитории, которая готова делать заказы и платить за творчество художника, а художник себя хорошо чувствует, занимаясь своей реализацией с учетом нужд публики. Художник понимает к чему он стремится и предпринимает соответствующие цели меры, чтобы прийти к результату и корректирует свои решения и действия, если что-то не приводит к желаемому эффекту. Художник целенаправленно работает над взаимодействием со своей аудиторией.

Стратегия 5. В данной стратегии выражены ясно очерченные цели, художник знает, что он хочет себя финансово обеспечить, занимаясь при этом своим искусством, поэтому он имеет цель достичь прибыли и ясно понимает, какие пути будет использовать. Целевая группа, это любители искусства в сети интернет. Каналы представляют собой популярные социальные сети и интернет ресурсы. Позиция не осознается, но выражается в качестве свободного художника. Посредники в виде возможной помощи в налаживании продвижения в интернете. Обратная связь в виде отзывов и комментариев, которая мало учитывается в продвижении, но для разработки коммуникации продвижения имеет значение покупаемость работ и просмотр материалов, публикуемых в сети интернет.

Стратегия 5, на наш взгляд, самая перспективная, поскольку художник понимает, что ему нужно, ищет ходы, пробует ходы, если не работает, то ищет другие ходы, и снова пробует, а если работает, то развивает и расширяет то, что работает, если по ходу реализации возникают вопросы, то художник изучает вопрос, разбирает его и находит наиболее оптимальный подход и пробует его, если работает, то хорошо, если не

работает, то ищет снова. И таким образом художник получает систематический эффект от своей деятельности и развивается в ней дальше, умело сочетая свое творчество с действиями по продвижению. В отличие от стратегии 4, художник в минимальном ключе ориентируется на запросы аудитории, но это в свою очередь приносит большее разнообразие в творческую жизнь и позволяет создавать продукт высокого качества.

Продвижение должно быть стратегическим, оно должно выполнять конкретно поставленные цели, посредством решения определенных задач, применяя для этого соответствующий перечень инструментов и тактических шагов, и сверяя достигнутые результаты с целью. Важной составляющей продвижения, является выбор коммуникационной стратегии для достижения поставленных целей, от чего будет зависеть и постановка задач, и подбор инструментов и тактических ходов. От выбора правильной, подходящей под конкретную ситуацию стратегии будет зависеть конечный результат, к которому получится прийти и степень достижения поставленных целей, а также, на сколько эффективно цель была достигнута.

Библиографические ссылки

1. *Кириллова, А. В.* Методологические аспекты изучения коммуникационных стратегий религиозных организаций / А. В. Кириллова // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 86–90.
2. *Кириллова, А. В.* Коммуникационные стратегии продвижения продукта в сфере изобразительного искусства / А. В. Кириллова, И. Ю. Тимоховцева // Философия и социальные науки в современном мире : материалы междунар. науч. конф. к 30-летию фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та, Минск, 26–27 сент. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Ф. Гигин (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 694–698.

РАЗЛИЧИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СТАТУСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Д. Р. Шарипова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

darya.sharypava@mail.ru;

Научный руководитель – Фофанова Галина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии

В статье рассматриваются жизненные ценности, психологические факторы жизненных ценностей, а также различные статусы профессиональной идентичности студентов. Целью поставлено выявить различия жизненных ценностей студентов специализации «медицинская психология» с различными статусами профессиональной идентичности. Выявление различий является научной ценностью. Полученные результаты могут быть использованы при выборе специализации студентами-психологами, для профилактики профессионального выгорания психологов, работающих в сфере медицинской психологии. Они могут быть использованы в работе психологической службы вуза. Результаты важны студентам для осмысления своего обучения в университете, для определения подходящей сферы деятельности (социальная/медицинская специализация), для осознания соответствия «медицинской специализации» внутренней системе ценностей. На основе этих данных можно разрабатывать различные тренинговые программы, направленные на оптимизацию процессов обучения и учения студентов-психологов, обучающихся на специализации «медицинская психология».

Ключевые слова: жизненные ценности студентов; факторы жизненных ценностей; специализация «медицинская психология»; статусы профессиональной идентичности; выявление различий жизненных ценностей.

Жизненные ценности в современном мире являются ориентирами для личности, они помогают в потоке жизненной информации выделить то, что наиболее важно для человека. Сегодня перед современными студентами стоит проблема интеграции в профессиональную среду. У каждого специалиста свои ценности, на основе которых он работает, выбирает подходящую специализацию.

Анализ научных работ показал отсутствие единого мнения по поводу ценностной проблематики. Так, жизненные ценности изучали в бихевиоризме, где Э. Толмен полагал, что ценностью является привлекательность целевого объекта [5]. В гуманистическом подходе акцент делается на разделении жизненных ценностей (высшие, низшие) исходя из потребности в самоактуализации по А. Маслоу [6]. В

экзистенциальном подходе ценности приравниваются к опыту личности, который является совокупностью эмоций, чувств, мыслей, поступков, то есть присутствует. В когнитивном подходе М. Рокич под ценностями понимает устойчивое убеждение в том, что определенный способ действовать или определенные жизненные цели наиболее предпочтительны для личности и общества другим способом [7]. В деятельностном подходе Д. А. Леонтьева ценностные ориентации – это отраженные ценности в сознании, которые личность признает в качестве жизненных целей и мировоззренческих ориентиров.

Разрабатывались различные концепции жизненных ценностей (Ш. Шварца, М. Рокич, В. А. Ядов, В. Магун). Ш. Шварц ценности определяет как желаемые цели, выходящие за рамки конкретных ситуаций, отличающиеся по значимости и являющиеся руководящими принципами в жизни. По В. А. Ядову, ценности являются основным элементом становления и развития индивида [8]. В. Магун жизненные ценности рассматривает как убеждения человека в том, что объект или состояние являются значимыми и важными для него как цели и средства.

Жизненные ценности в субъектно-деятельностном подходе понимаются как отношение субъекта к явлению, жизненному факту, объекту и субъекту, и признание его как важного, имеющего жизненную важность. В перечень ценностей входят: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, активные социальные контакты, собственный престиж, высокое материальное положение, достижения, сохранение собственной индивидуальности. Эти ценности реализуются в различных жизненных сферах: профессиональная жизнь, образование, семейная жизнь, общественная активность, увлечения, физическая активность [1]. Жизненные ценности способствуют приспособлению к обществу в соответствии с любыми изменениями, которые в данный культурно-исторический период развития общества происходят, дают возможность отследить нововведения, оценить их. Важно отметить регулирующую функцию жизненных ценностей, которую многие исследователи считают основной.

Основными психологическими факторами жизненных ценностей являются: влияние социальных институтов, принадлежность к общим социальным группам, влияние сообщества сверстников, семейный фактор, принятие ценностей массовой культуры. Ценности формируются с одной стороны личностными особенностями, развитием и осознанием своих

интересов и ценностей, а с другой стороны – социальными факторами – ценностями значимого другого.

Анализ работ по проблематике профессиональной идентичности также выявил наличие большого количества подходов к определению. В психоанализе Э. Эриксон считал, что идентичность является структурой личности, состоящей из элементов и переживаемой как чувство непрерывности личности при восприятии других людей. В символическом интеракционизме Дж. Мид делает акцент на выделении двух видов идентичности (осознаваемая и неосознаваемая), а также на том, что она возникает как результат взаимодействия людей в социуме [9]. В бихевиоризме М. Шериф определил идентичность как следствие осознания человеком своей причастности к какой-либо группе, что происходит под влиянием межгрупповых действий. В подходе отечественной психологии Ю. П. Поваренков рассматривает профессиональную идентичность как критерий профессионального развития личности, который является сигналом принятия качественных и количественных особенностей как профессионала [10]. Л. Б. Шнейдер дает такое определение: осознание личностью того, что она является представителем определенной профессии и профессионального сообщества, а также определенная степень отождествления-дифференциации себя с Делом и Другими, которая проявляется в когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях Я [2].

Феномен профессиональной идентичности является предметом исследований и зарубежных учёных (J. L. Holland, H. Bergmann, J. A. Johnson). Например, J. L. Holland описывает профессиональную идентичность как «ясную и стабильную картину целей, интересов и талантов». Он считал, что совпадение профессии с особенностями личности, интересами является основанием для её лучшего выбора.

Что касается статусов профессиональной идентичности, то будем придерживаться концепции Л. Б. Шнейдер. Выделяют следующие статусы профессиональной идентичности: преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая идентичность и псевдоидентичность.

- Преждевременная идентичность – статус, приписываемый человеку, который никогда не переживал состояние кризиса идентичности, но тем не менее обладает определенным набором целей, ценностей и убеждений.

- Диффузная идентичность – статус, для которого характерно отсутствие точно сформулированных ценностей, целей, убеждений, а также отсутствие попыток их формирования.

- Мораторий – статус кризиса идентичности. Здесь возникает высокий уровень личностной тревожности, но одновременно и более высокий уровень развития интеллектуальной составляющей.

- Достигнутая идентичность – статус, сформировавшийся на основе совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений.

- Псевдоидентичность – статус, для которого характерно стабильное отрицание своей уникальности или ее амбициозное подчеркивание, сочетающееся с ригидностью Я-концепции.

В студенческом обучении можно выделить следующие этапы (Б. Шнейдер):

1 курс – этап осмысления профессиональной идентичности. Адаптация к роли студента, нестабильность.

2-3 курс – этап осознания требований новой профессиональной роли. Стабильный этап.

4 курс – этап формирования новых целей и перспектив. Здесь происходит переосмысления всех различных вариантов, направлений профессионального развития, нестабильный этап.

Эти этапы являются взаимосвязанными и взаимообусловленными.

Можно сказать, что феномен профессиональной идентичности относится к тем людям, для которых ведущей идентификацией является труд. Он тогда может рассматриваться как продукт личностного и профессионального развития, который проявляется при овладении профессией и является устойчивым согласованием основных элементов профессионального процесса. Одним из основных источников формирования этой профессиональной идентичности является наличие профессионального образования [4]. Наиболее важный период формирования профессиональной идентичности – это процесс обучения в вузе, когда студент начинает понимать специфику профессиональной деятельности.

Н. И. Чернецкая провела исследование, в котором рассматривались представители профессии «человек – человек». Было выявлено, что у них выраженность самореализации выше, чем у представителей других профессий. Было отмечено, что для них важны активные социальные контакты, продуктивная жизнь, саморазвитие, свобода выбора, уверенности в себе и внутренней гармонии, а также жизненная мудрость, которая достигается собственным опытом в виду максимального использования своих способностей и возможностей. У таких людей достаточно высокий локус контроля я, а также выражен интернальный тип

контроля [11]. По классификации ценностей В. Ф. Сопова Л. В. Карпушиной можно четко выделить развитие себя, духовное удовлетворение (жизненная мудрость), активные социальные контакты, достижения (собственный опыт), сохранение собственной индивидуальности (свобода выбора, уверенность в себе и во внутренней гармонии).

Следует отметить, что У. С. Родыгина разделяет понятия профессиональная идентичность студента и специалиста. Основное отличие в том, что идентичность студента связана с приобретением профессии, на основе чего и появляется чувство тождественности с самим собой как с будущим специалистом [3].

В работе использовался морфологический тест жизненных ценностей В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной.

В эмпирическом исследовании участвовали 62 респондента, среди которых было 50 % студентов 3 курса в возрасте 19–22 года и столько же студентов 4 курса в возрасте 20–24 лет. 46,8 % студентов обучались на медицинской специализации.

Также, опираясь на ответы о том, что больше всего повлияло на выбор специализации, было выявлено, что наиболее часто встречались личные предпочтения и интерес к дисциплинам медицинской специализации.

Выявление влияния опыта работы на статусы профессиональной идентичности не дало статистически значимых различий. Предположительно, по той причине, что опыт работы у студентов медицинской специализации есть у 10,3 % респондентов и этот опыт в социальной сфере.

Также изучалось влияние дополнительного образования на статусы профессиональной идентичности. Значимых различий не было обнаружено. Дополнительное образование есть у 17,2 % студентов и оно не связано с медицинской специализацией. В графу дополнительное образование студенты писали курсы гештальт-терапии, телесно-ориентированную терапию, работу с МАК, нарративную терапию, психодраму, тренинги по определенным темам (нарциссизм, работа с эмоциями, детско-родительские отношения).

Сравнение жизненных ценностей студентов медицинской специализации в зависимости от дополнительного образования и наличия работы в сфере психологии не выявило значимых различий. Опять же это можно объяснить малочисленностью студентов, имеющих дополнительное образование и опыт работы. Среди жизненных ценностей студентов

медицинской специализации 3 и 4 курсов также нет статистически значимых различий, то есть интервал в год обучения не сильно повлиял на жизненные ценности.

Таким образом, наиболее часто среди студентов медицинской специализации встречается диффузная идентичность (34,5 %), далее располагаются студенты со статусами преждевременная идентичность (24,1 %), мораторий (17,2 %), достигнутая позитивная идентичность (13,8 %). Меньше всего студентов с псевдопозитивной идентичностью (10,3 %).

У студентов-психологов медицинской специализации наиболее важной является ценность высокого материального положения, что объясняется местом будущей работы в больнице. Студенты специализации «социальная психология» при выборе опирались на заработную плату будущего места работы, утверждая, что в больнице платят мало.

Также для студентов с медицинской специализацией важна ценность достижений, то есть решение определенных жизненных задач, достижение конкретных, ощутимых результатов в разные периоды жизни. Высокое значение студенты отдают сохранению собственной индивидуальности, демонстрации важности собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, защита своей неповторимости. При выборе специализации студенты опирались на личные интересы, привлекательность учебных дисциплин. И не менее важен собственный престиж, стремление к признанию, уважению, одобрению значимых лиц. Наименее важными студенты отмечают духовные ценности: активные социальные контакты, развитие себя, креативность, духовное удовлетворение. Самая важная жизненная сфера – профессиональная, что объясняется будущим местом работы студентов, особенно выпускных курсов. Можно предположить, что значимость этой сферы связана с будущим местом работы студентов, особенно выпускных курсов. Далее идут увлечения – студенты много времени уделяют увлечениям и хобби. Среди ответов на вопрос о причине выбора специализации были интересы. Возможно, психология для части студентов является увлечением, то есть за пределами университетской жизни студенты проходят различные тренинги, получают дополнительное образование. Сфера образования (также одна из имеющих высокие значения) показывает стремление студентов к повышению уровню образованности, расширению кругозора. Наиболее низкие значения по таким сферам, как семейная жизнь, общественная активность, физическая активность.

Существуют различия между статусами профессиональной идентичности и жизненными ценностями. Для студентов с диффузной идентичностью более значимо образование, чем для студентов со статусом профессиональной идентичности мораторий. Это можно объяснить отсутствием точно сформулированных ценностей, убеждений, целей у студентов с диффузной идентичностью и кризисом идентичности, сочетающимся с высоким уровнем тревожности у студентов с идентичностью мораторий. Для студентов с диффузной идентичностью более важны достижения, чем для студентов с псевдопозитивной. У студентов с диффузной идентичностью нет точных убеждений, ценностей, целей и, следовательно, ценность достижений для них значима. А ценность достижений подразумевает стремление к конкретным, осязаемым результатам. Студентам с псевдопозитивной идентичностью характерно либо отрицание уникальности, либо её гипертрофированная выраженность, что не выявляет стремления к конкретным результатам. Для студентов с диффузной идентичностью образование значимее, чем для тех же с псевдопозитивной. Это объясняется тем, что студенты с псевдопозитивной идентичностью отличаются ригидностью, а образование предполагает повышение уровня образованности, расширение кругозора в соответствующей сфере. Общественная активность для студентов с диффузной идентичностью более значима, чем для студентов с псевдопозитивной профессиональной идентичностью. Общественная активность подразумевает активные действия в социуме, что может быть затруднительно для студентов с псевдопозитивным профессиональным статусом идентичности по причине отрицания либо излишнего подчеркивания идентичности. В отношении остальных жизненных ценностей значимые различия не выявлены. Также не выявлены различия при сравнении студентов медицинской и социальной специализации.

Библиографические ссылки

1. *Карпушина, Л. В.* Структура жизненных ценностей различных социальных групп студентов вузов : дис. канд. псих. наук : 19.00.05 / Л. В. Карпушина. – Самара, 2003. – 182 с.
2. *Шнейдер, Л. Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. – М. : МПСИ, 2007. – 124 с.
3. *Родыгина, У. С.* Психологические особенности развития профессиональной идентичности студентов – будущих психологов : дис. канд. псих. наук : 19.00.07 / У. С. Родыгина. – Киров, 2007. – 215 с.
4. *Ариас, А. М.* Динамика профессиональной идентичности студентов вуза (психологический анализ) / А. М. Ариас, Е. А. Карпова, Т. Г. Кукулите // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 3. – С. 241–253.

5. *Анурин, В. Ф.* Ценностные ориентации и их влияние на формирование потребностей / В. Ф. Анурин // Социология высшей школы. Подготовка специалистов для народного хозяйства : сб. науч. тр. Горький, 1982. С. 116 – 129.
6. *Яницкий, М. С.* Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности / М. С. Яницкий, А. В. Серый // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 1-16.
7. *Далгатов, М. М.* Проблема личностных ценностей и ценностных ориентаций в психологических исследованиях / М. М. Далгатов, А. Г. Джамалудинова // Известия ДГПУ. – 2013. – № 3. – С. 18–23.
8. *Ядов, В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов. – М., 1975. – С. 89–106.
9. *Шпота, В. А.* Проффессиональная идентичность специалиста: сущность, этапы формирования / В. А. Шпота // Вестник Брянского государственного университета. Народное образование. Педагогика. – 2008. – № 2. – С. 142–145.
10. *Поварёнок, Ю. П.* Психологическая характеристика профессиональной идентичности. Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества / Ю. П. Поваренков // Сборник научных трудов. – Ярославль, 2003. – С. 154–163.
11. *Чернецкая, Н. И.* Особенности ценностно-смысловой сферы личности у представителей профессий системы «человек-человек» / Н. И. Чернецкая // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2016. – Т. 16.

ИМИДЖ Г. МИНСКА В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Щербачевич

Белорусский государственный университет, Минск;

alina.shcherbachevich@gmail.com

Нпучный руководитель – Купчинова Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной коммуникации

В современном обществе интерес к имиджу городского пространства существенно растет. Одним из принципов развития города является целенаправленная деятельность по созданию, поддержанию, позитивному изменению имиджа города. Устойчивый положительный имидж города – важное условие роста не только экономического, но и политического, культурного, экологического потенциала. Имидж города в современных условиях – это один из важнейших ресурсов управленческих структур, способный сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии города.

Молодежь выступает сегодня стратегическим ресурсом общества. В этой связи мнение молодежи о своей стране, городе является важным в контексте имиджевой политики государства.

Проблема формирования положительного имиджа города в настоящее время продолжает оставаться недостаточно изученной. Различные аспекты теории и практики формирования имиджа города являются предметом научных исследований экономистов, психологов, социологов, специалистов по связям с общественностью, маркетологов.

Ключевые слова: имидж города Минска; стратегические приоритеты; развитие города; студенческая молодежь.

Молодежь – будущее нашей страны и ключевой ресурс развития государства, региона, города. Ее роль во всех сферах жизни страны значительно возрастает. Молодежь питает особый интерес и чувствует свою причастность к решению проблем социально-экономического развития, независимости, демократизации и мира. Также молодежь легко воспринимает социальные изменения и меньше подвержена возможным стереотипам, поэтому было принято решение изучать имидж г. Минска именно в оценках молодежи.

Для определения имиджа г. Минска в представлении студенческой молодежи г. Минска был проведен онлайн-опрос. Целью исследования было изучение имиджа города Минска в представлении студенческой молодежи г. Минска. Выборочная совокупность была сформирована по принципу отсеянной или поточной выборки (River sampling). Анкета размещалась в социальной сети ВКонтакте.

Участие в исследовании приняло 102 представителя студенческой молодежи. Социально-демографические характеристики таковы: 63,7 % – женщины, 36,3 % – мужчины. 80,4 % респондента в возрасте от 19 до 21 года; 11,8 % – 16-18 лет; 4,9 % – 22-25 лет, остальные 2,9 % – студенческая молодежь в возрасте 26 лет и старше.

Большинство (58,9 %) респондентов – студенты БГУ, 22,9 % получают высшее образование в БГУИР, 8,8 % – в БГТУ. Также в опросе приняли участие студенты БНТУ, БГМУ, БГЭУ, БГАМ, БГУКИ, БГУФК, МГЛУ, БИП.

Из них 53,9 % получают образование на дневной бюджетной форме обучения, 44,1 % на дневной платной форме, остальные 2 % – заочная форма.

До поступления в ВУЗ 38,2 % респондентов проживали в Минске, 16,7 % – в Минской области, 14,7 % опрошенной молодежи проживали в Витебской области, 7,8 % в Гомельской области и т.д. Соответственно, большинство (38,2 %) респондентов до поступления в ВУЗ проживали в столице. 27,5 % проживали в крупном городе, 15,7 % – в малом, 10,8 % из числа респондентов проживали в средних по численности городах и т.д.

Отметим, что при формулировке вопросов были использованы проективные техники.

Так, например, респондентам предлагалось написать 3 ассоциации, которые возникают у них в связи с г. Минском. Наиболее частой из них стало слово «чистота». Помимо этого, были выделены: учеба, столица, возможности, шум, родина. Также респонденты ассоциируют город с его достопримечательностями/улицами/: ул. Немига, ул. Зыбицкая, Национальная Библиотека. Ассоциации в большинстве носят либо нейтральный, либо позитивный оттенок. Негативных ассоциаций с городом не было.

Следующий вопрос касался эмоций, которые вызывает у студенческой молодежи г. Минск. Большинство (60,8 %) респондентов указали на то, что Минск вызывает у них положительные эмоции, 33,3 % ответов – нейтральные эмоции и 5,9 % – отрицательные.

Из положительных эмоций были выделены следующие (n=62): интерес – 53 %, радость – 45,5 %, любовь – 39,4 %, гордость – 34,8 %, уверенность – 33,3 %, восхищение – 15,2 %, преданность – 12,1 %, смех – 10,6 %. Одной из гипотез исследования являлось предположение о том, что большинство студентов испытывают чувство преданности к городу Минску.

Из отрицательных эмоций были выбраны (n=6): грусть, тяжесть, разочарование, опасения, раздражение, стыд, отвращение.

Какое представление о г. Минске сложилось у студентов, принявших участие в опросе? Так, 30,8 % ответили, что Минск – уголок Советского Союза, 20,8 % указали, что Минск является спортивной столицей, 11,5 % – Минск – центр международных отношений, 10,8 % назвали Минск центром знаний и наукоемких технологий, 6,9 % – Минск – город предпринимательства и инвестиции, 4,6 % указали, что Минск – город здоровья, 3,1 % назвали Минск ультрасовременным европейским городом.

Респондентам было предложено выделить позитивные/негативные характеристики г. Минска. К позитивным они отнесли следующие характеристики (каждый респондент мог выбрать не более 5): гостеприимный – 53,9 %, красивый – 52,9 %, культурный – 47,1 %, комфортный – 46,1 %, безопасный – 43,1 %, благоустроенный – 37,3 %, современный – 21,6 %, благополучный, развитый – 19,6 %, уникальный – 8,8 %. 2,9 % респондентов полагают, что позитивные характеристики отсутствуют.

К негативным характеристикам респонденты отнесли: старомодный – 38,2 %, заурядный – 30,4 %, невзрачный, отсталый – 24,5 %, проблемный – 13,7 %, опасный – 9,8 % и т.д. Стоит отметить, что 23,5 % респондентов полагают, что таковых характеристик нет. Исходя из этих ответов, можно определиться, в каком направлении стоит работать для улучшения имиджа. Например, поддерживать гостеприимность, красоту, избавляться от старомодности, заурядности, невзрачности и отсталости.

Инвестиционная, внешняя и культурная составляющие – необходимые компоненты имиджа города. В результате проведенного исследования было выявлено, существуют ли перечисленные составляющие у города и в каких элементах это проявляется. Из списка предлагалось выбрать 3 варианта ответа или написать недостающий. 54,9 % студенческой молодежи считают, что Минск имеет инвестиционную привлекательность. Это выражается в географическом положении Минска (56,7 %), возможностях развития бизнеса (43,3 %), трудовых особенностях города (40,3 %), потребительских особенностях города (35,8 %) и т.д.

78,4 % студенческой молодежи отмечают, что Минск имеет культурную привлекательность в виде музеев (54,9 %), театров (50 %), фестивалей (48,8 %), арт-пространств (34,1 %), культурных центров (28 %), форумов (26,6 %) и так далее. Можно сделать вывод о том, что культурная составляющая имиджа в городе Минске развита на должном уровне.

76,5 % респондентов отметили, что Минск имеет внешнюю привлекательность. Она выражается в архитектуре (76,6 %), памятниках (33 %), уникальных природных явлениях (19,1 %).

При определении имиджа г. Минска была использована классификация, описанная в книге «Территориальный маркетинг» Н. А. Кетовой. Согласно автору, существует 7 типов имиджа: положительный, слабо выраженный, излишне традиционный, смешанный, противоречивый, отрицательный, чрезвычайно привлекательный имидж. Позитивный или, как его еще называют, положительный имидж территории помогает улучшить бюджет территории, привлечь инвестиции, делает территорию престижной для субъектов, формирует репутацию. Положительный имидж субъективен. Он может возникнуть благодаря ассоциаций субъектов с архитектурой, развитой инфраструктурой, указателей, высокого культурного уровня. Слабо выраженный имидж присущ городам, где малое количество туристов, отсутствие рекламы, отсутствие ассоциации, связанных с территорией. Излишне традиционный имидж характеризуется тем, что территория имеет привязку к прошлому, тем самым не позволяя представить город современным. Противоречивый имидж возникает вследствие соотношения преимуществ и недостатков. Например, город может славиться архитектурой, историей, личностями, но в то же время может ассоциироваться с наркотиками, загрязнениями окружающей среды и т.д. Смешанный имидж характеризуется наличием в городе как плюсов, так и минусов. Чтобы нормализовать имидж города, необходимо акцентировать внимание на его плюсах. Чрезвычайно привлекательный имидж характеризуется большим притоком туристов и инвесторов. Это создает проблему, так как необходимо уменьшать количество желающих находиться на территории [1, с. 11-12].

Так, 46,1 % студенческой молодежи полагает, что «Минск характеризуется выдающейся архитектурой, но в то же время наблюдается преобладание старых построек; прочная база для развития бизнеса, но слабая заинтересованность со стороны иностранных инвесторов; возможность карьерного роста, но низкая заработная плата». Такая характеристика соответствует противоречивому типу имиджа города, в котором переплетены как отрицательные, так положительные стороны. Стратегическая задача, в этой связи, заключается в акцентировании внимания на положительных сторонах города.

Вторым по популярности (24,5 %) стал ответ «Минск характеризуется высоким культурным потенциалом, ценным историческим прошлым,

благополучием населения, существованием возможностей развития бизнеса, выдающейся архитектурой, возможностью карьерного роста, большим количеством туристов, безопасностью».

20,6 % считает, что «в Минске устаревшая архитектура, большое количество символики и отсылок к СССР, отсутствует современная инфраструктура и развлечения, ориентация на прошлое, традиционность». Данный ответ демонстрирует представление о г. Минске как чрезмерно традиционном. Сложно оценить, позитивная ли это характеристика, так как чрезмерная традиционность города может как отпугивать, так и привлекать целевые группы. Так, например, может ассоциироваться с несовременностью, старомодностью, тем самими отпугивая, и, наоборот, может привлекать, так как можно окунуться в прошлое, почувствовать дух времени. На наш взгляд, то, что в Минске есть элементы прошлого, является его «фишкой». Для избавления от излишне традиционного имиджа необходима его корректировка. Это можно делать путем продвижения новых ассоциативных образов через СМИ. Гипотеза о том, что большинство респондентов оценивают имидж города как излишне традиционный, опровергается. Большинство респондентов утверждают, что имидж Минска противоречивый.

Для формирования/улучшения имиджа необходимо знать сильные стороны города, т.е. факторы, которые влияют на положительный имидж Минска. Респондентам было предложено выбрать 3 варианта из 9, наиболее соответствующих их мнению, или написать недостающий. На первом месте – чистота города (60,8 %), затем – красивая природа (39,2 %), развитая инфраструктура (32,4 %), общая безопасность (29,4 %), уникальные достопримечательности и возможности развития бизнеса (24,5 %), развитое образование (23,5 %), высокий уровень жизни населения (16,7 %), уровень медицины (13,7 %). Таким образом, сильной стороной Минска можно считать чистоту, природу, инфраструктуру, безопасность.

Среди факторов, негативно влияющих на имидж г. Минска были отмечены следующие: 34,3 % – низкий уровень жизни населения, 33,3 % – безработицу, 31,4 % – качество образования, 27,5 % – отсутствие/малое количество достопримечательностей, уровень медицины, 22,5 % – отсутствие возможностей для развития бизнеса, 19,6 % – неразвитая/слаборазвитая инфраструктура. Таким образом, слабой стороной Минска отмечают характеристики социально-экономической ситуацией в стране: низкий уровень жизни населения, уровень безработицы, качество образования.

Относительно удовлетворенности имиджем города Минска были получены следующие данные: 55,9 % – скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, 30,4 % – удовлетворены, 12,7 – скорее не удовлетворены, чем удовлетворены, 1 % – не удовлетворен.

Текущий имидж Минска по шкале от 1 до 5 (где 1 – отрицательный, 5 – положительный) оценивают на 4 – 44,1 %, 39,2 % респондентов оценили имидж Минска на 3 из 5, 9,8 % – на 5, 6,9 % – на 2.

77,5 % респондентов считают, что имидж Минска соответствует имиджу столицы. 14,7 % затрудняются ответить, 7,8 % выбрали ответ «нет».

38,2 % респондентов указали, что имидж города для них скорее важен, чем не важен; 28,4 % – достаточно важен, 19,6 % – скорее не важен, чем важен; 4,9 % – совершенно не важен; 8,8 % затрудняются ответить. Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что имидж Минска играет важную роль в жизни студенческой молодежи.

Приоритетными направлениями развития города, по мнению респондентов, являются: создание комфортной городской среды (44,1 %), расширение международных связей города и развитие сотрудничества (44,1 %), формирование высокого уровня культуры и сознательности горожан (39,2 %), развитие туристической сферы (30,4 %), создание условий для привлечения инвестиций (23,5 %).

Настроение Минска оценивается как спокойное (30,4 %), доброжелательное (29,4 %), задумчивое (14,7 %), жизнерадостное (5,9 %), затрудняются ответить 11,8 % респондентов.

Таким образом, подводя итоги исследования, мы можем сделать вывод о том, что г. Минск вызывает у студенческой молодежи положительные эмоции, а именно: интерес, радость, любовь. Из отрицательных: грусть, тяжесть. У города Минска сложился образ уголка Советского союза. Респондентами наиболее часто были отмечены следующие характеристики города: гостеприимный, красивый, культурный. Из негативных: старомодный, заурядный, невзрачный. По мнению респондентов, Минск имеет инвестиционную привлекательность и видят ее в географическом положении Минска, в возможностях развития бизнеса, в трудовых особенностях города. Минск также имеет культурную привлекательность, это выражается в наличии музеев, театров, фестивалей. Респонденты утверждают, что Минск является внешне привлекательным благодаря архитектуре, памятникам, уникальным природным явлениям. Если рассматривать типы имиджа, то Минск относится к противоречивому

типу. Чистота – сильная сторона города. Низкий уровень жизни населения – слабая черта города. Большинство участников опроса удовлетворены имиджем города Минска. Утверждают, что Минск соответствует имиджу столицы. Для большинства имидж города важен. К приоритетным направлениям развития города относят создание комфортной городской среды, расширение международных связей города и развитие сотрудничества, формирование высокого уровня культуры и сознательности горожан.

Библиографические ссылки

1. *Кетова, Н. П.* Территориальный маркетинг: учебное пособие. Ростов н / Д : Южный федеральный университет, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	3
Александрович С. М. Установки к сексу у мужчин и женщин с различными стилями любви.....	4
Витко Д. Д. Гендерные особенности конфликтного взаимодействия в период взрослости... 9	
Григорьева А. И. Субъективное ощущение одиночества и соматизированный психические нарушения у пожилых людей	14
Дикун В. В. Представления об отцовстве у мужчин из полных и неполных семей.....	19
Довгилевич А. Е. Взаимосвязь поведения в конфликте и когнитивной флексибельности старших школьников и студентов	23
Дротенко Е. С. Взаимосвязь характеристик Тёмной триады личности родителей и их детей в период юности.....	27
Ермолович А. А. Либерально-демократическая концепция Ф. Фукуямы как стратегия межкультурного диалога	34
Иванова А. С. Проблема формирования профессиональной идентичности	43
Ижаковская М. С. Удовлетворенность браком как фактор выбора стратегий совладания со стрессом	49
Измер А. Г. Специфика речевых паттернов манипулятивного поведения	54
Кашевар А. А. Разработка проекта «НЕВИДИМКА».....	58
Кунцэвіч Я. С. Суадносiны вызначэння дабра i яго дэфiнiцыi паводле этычных вучэнняў Дж. Э. Мура i Ул. С. Салаўёва	65
Лях А. В. Особенности проявления ревности у мужчин и женщин с различными стилями привязанности	72
Масалович У. П. Коммуникативные технологии в работе с беженцами и вынужденными переселенцами	78
Сорока А. А. Современные модели проявления эскапизма в контексте белорусского интернет-пространства	86
Сорокина А. А. Взаимосвязь рабочей мотивации и толерантности к неопределенности сотрудников	89
Тимоховцева И. Ю. Коммуникационные стратегии белорусских художников на арт-рынке	93
Шарипова Д. Р. Различия жизненных ценностей и статусов профессиональной идентичности студентов специализации «медицинская психология»	102
Щербачевич А. А. Имидж г. Минска в оценках студенческой молодежи.....	110